

Лана Ланитова

Милкино счастье

18+

Русский эрос

Лана Ланитова
Милкино счастье

«Автор»

2017

Ланитова Л.

Милкино счастье / Л. Ланитова — «Автор», 2017

Действие романа происходит в России, в конце 19 века. Впервые ОН увидел ЕЁ на выпускном экзамене в гимназии. Увидел и вспомнил. Увидел и полюбил. Любовь, страсть, эксперименты с чувственностью. Похоть, попирающая законы морали и здравый смысл. И море нежности друг к другу. Была ли эта встреча первой в их жизни? Книга изобилует откровенными эротическими и БДСМ сценами, содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Лана Ланитова Милкино счастье

*Дрожи и кайся, афедрон,
Моля усердно о пощаде.
Нагою пышностью сражен,
Я утолю твои печали...*

*Алкаю узость твоих врат
И их пугливую стыдливость.
Ты криком страсти восхвали
Приапа дерзкую пытливость.*

(Из вольных сочинений графа Анатолия Александровича Краевского!)

1885 г.

Чистенькое, небольшое оконце, треснутое по диагонали и проклеенное серой замазкой, разламывало идущих по улице прохожих поперек их и без того потешных фигур. Вот прошла толстая баба в ярком цветастом платке – ее арбузные груди не совмещались с откляченным задом, и баба та походила собою на букву «зю». Таким же изломанным проковылял и сонный дворник, его красное, опухшее лицо выдавало в нем признаки жуткого похмелья. Прокатилась кривая повозка с пегой лошадежкой – тощий круп лошади двигался отдельно от задней части с хвостом...

– Маменька, надо бы нам купить другие занавески. Эти желтые – старые-престарые. И моль их поела...

– Угу, старые. Вот, как разбогатеешь, тогда и купишь. Все купишь... – раздался приглушенный голос матери.

Её звали Людочкой или Милой. Она заканчивала гимназические курсы имени княгини Ольги, в городе Н. Город этот был не совсем уж захудалым и уездным, но и до столичных размахов ему было далеко. Скажем так, это был самый обычный губернский город в средней полосе России.

Итак, наша героиня заканчивала гимназические курсы и мечтала о том, что очень скоро все будут называть ее – Людмилой Павловной. И как только это произойдет, вся ее будничная жизнь изменится до неузнаваемости. Какие-то несчастные занавески! Господи, да она станет жить в огромном доме с тяжелыми бархатными портьерами. Высокие потолки, белая лепнина, красивая мебель, лакеи. И она – в роскошном платье. И ОН. Кто был ОН, и где это должно происходить – об этом она пока не думала. Она лишь грезила наяву, уносясь все дальше в безоблачную и почти сказочную даль.

– Людмила Павловна! Правда же, маменька, мое имя звучит как-то особенно и со значением! – мечтательно повторяла Людочка, словно пробуя свое полное имя на вкус. – Люд-ми-ла Пав-лов-на... Люд-ми-ла Пав-лов-на, прошу вас! Мерсис... – черные бровки взлетали вверх, милое лицо вытягивалось в смешной гримасе. Девушка вставала в академическую позу и изображала танцевальное па с невидимым кавалером.

– Не крутись, стой смирно, егоза. Не то уколою, – устало одергивала ее мать. – Ты грамоту-то всю освоила? А математику? Как экзамены-то выдержишь?

– Обижаете, татапа, – хмурила бровки девушка. – Грамоту нам давали еще в начальном классе. Мы сейчас целые оды заучиваем, и стихи, и сочинения пишем... – Милочка закусила пухлую губку в легкой задумчивости.

– Маман... – усмехнулась мать. – Это в гимназии вас научили так мать называть?

– А как же? По-другому даже неприлично выражаться, маменька. Дочь нашей директрисы всегда только так к своей матери обращается. Она при этом щурит глаза... вот так, – девушка скорчила умильную рожицу, – и коверкает язык... А знаете, она совсем нехороша... А я третьего дня видела на улице офицера, он так на меня посмотрел... Так как-то пристально и, представляете, взял лорнет... Ай!

– Стой же ровно! Сказала же, что уколоу. Вот бисово дитя. Пошью платье криво, кто потом плакать будет? Офицеры у нее на уме! Закончи сначала учебу.

Мать Людмилы, сорокалетняя вдова, схоронившая мужа-фронтовика, воспитывала одна троих детей. Двух младших братьев Людмилы она сумела пристроить, по ее мнению, удачно – один пошел служить половым в трактир купца Забегайлова. Его уже прочили на место будущего официанта, ибо мальчишка был ловок и сообразителен не по годам. Приходя домой на выходные, он садился у окна и заучивал русские и французские названия мудреных блюд. Мать, умильно глядя на сына, смахивала слезу и пыталась повторить за ним заморские названия. Но сама смеялась от своих нелепых попыток и крестилась со словами: «Учи сынок, учи. Глядишь, в люди выьбьешься». Другой сын пошел по стопам отца. Мать определила его учеником к сапожнику. И хоть до обучения сапожному ремеслу дело еще не дошло, ибо мальчик работал все больше по хозяйству и нянчился с младшими детьми мастера, однако, мать надеялась на то, что всему свое время. «Побегай сначала на побегушках, а потом и ремесло получишь. Ремесло еще заслужить надобно-с», – часто говаривала она двум своим вихрастым мальчишкам, когда те жаловались на обиды и тяготы жизни в учениках.

Сама мать всю жизнь проработала швейей. Она штопала и перелицовывала старые пальто, салопы, форменные шинели, шила пододеяльники, наволочки, нижние юбки. В последнее время ей стали заказывать женские кофты и мужские штаны – и это она считала своей большой удачей. Почти все заработанное она тратила на нехитрую еду и свою ненаглядную дочь – Людмилу, которую ей удалось пристроить на женские гимназические курсы. Курсы эти готовили не столько гувернанток, сколько горничных, санитарок и сиделок.

Мать, видя, как заневестилась ее семнадцатилетняя дочь, часто приговаривала:

«Ничего, Милка, ты у меня вон, какая краля вымахала, вся в отцову породу. Мать-то у Павла красавица была. И не из простых... Дела темные – от кого ее бабка прижила. Грешить не стану наговорами. А только краше ее никого во всем уезде не было. Все мужики в деревне по ней сохли. Рассказывали, к ней даже барин один сватался. А ты вся в нее, в бабку покойную – и стать, и рост, и бедра. Глаза, вон, бабкины! Может, возьмут тебя сначала в горничные, а ты пройдешь по залу, сделаешь этот... чёрт... книксен, так все господа и ахнут. В барские семьи всегда гости приезжают – разные молодые люди, да при деньгах. Как увидят тебя, так и оторопеют от красоты. Может, кто и руку предложит. А что? Ну, пусть и немолодой муж будет, а в летах. И не морщись. При наших-то средствах – еще нос воротить? Дурочка, да немолодой то баловать тебя станет, наряжать как куклу, по Парижам возить».

Но Людмила не слушала резонные и практичные доводы матери. Конечно, как и всем девушкам, ей хотелось необыкновенного счастья и огромной, чистой любви.

В начале мая она выдержала выпускные экзамены и даже получила весьма приличные оценки. Когда она сдавала литературу, то прочитала с большим выражением отрывок из пушкинского «Евгения Онегина». Учитель ее похвалил, а в комиссии какой-то важный, высокий мужчина в модном сюртуке и с небольшой бородкой, навел на нее золотой лорнет и, наклонив-

шись к директрисе, что-то тихо прошептал, а вслух произнес: «Elle est vraiment charmante»². Все остальные члены комиссии дружно закивали головами и стали пристально лорнировать Людочку. Она же стояла с пунцовыми от удовольствия щеками, немного кружилась голова.

На следующий день состоялся выпускной бал, на который были приглашены все преподаватели, члены попечительского совета, несколько офицеров и старый генерал. Людмила танцевала в том платье, которое ей сшила мама. И хоть они были ограничены в средствах, однако, мать умудрилась сэкономить и купить несколько метров английского кружева и бирюзового атласа. Именно это кружево так красиво обрамляло не по-девичьи высокую грудь Людмилы, что все мужчины буквально не сводили с нее восторженных взоров. Её приглашали то на вальс, то на мазурку. Она кружилась, пьяная от внимания и радости. Один молодой смуглый офицер, невысокого роста, преподнес ей бокал шампанского и позвал ее на балкон. Разгоряченного лица коснулся порыв ночного весеннего ветра. И хоть Людмиле не сильно нравился этот офицер, она с жадностью и женским кокетством слушала его торопливую речь, полную дерзких комплиментов. У нее перехватывало дыхание от острого предчувствия счастья, того счастья, что испытывает любая молодая девушка на пороге взрослой жизни. Ей казалось, что старый сад полон волшебных огней. И звезды ласково подмигивают ей. И что сама она не юная выпускница гимназических курсов, Людмила Петрова, а какая-нибудь великосветская львица – графиня или княжна. А опьяневший офицер ни кто иной, как ее верный паж. Она даже царственно подняла голову и взглянула на своего собеседника таким взором прекрасных карих глаз, что тот потерял нить разговора, икнул и смущенно уставился в темное небо.

– Скажите Владлен, (так звали коренастого офицера) вам не хотелось разбежаться и прыгнуть с балкона? Ведь я совершенно точно знаю, что когда человек счастлив, он не может разбиться. Он возьмет и полетит, – она распахнула руки. Ветер трепал ее густые русые локоны, темные влажные глаза горели от пламени свечи, тонкий профиль расплывался в ночной дымке. Она была настолько хороша, что офицер не сводил с нее страстного взгляда. – Ну, что же вы молчите, Владлен?

– Мадемуазель, к сожалению, мы не птицы. Но если вы прикажете, то ради вас я готов спрыгнуть даже с башни Адмиралтейства, – он схватил ее за руку и принялся с жадностью целовать ладони.

Людмила засмеялась, выдернула руку и убежала в шумный зал. Ее тут же подхватил за талию один из членов попечительского совета, худощавый и плешивый мужчина, лет пятидесяти, и бойко закружил в вальсе. Она плохо помнила, как прошла эта пьяная и счастливая ночь.

Домой Людмила вернулась лишь под утро. Мать не спала. Она накинула пуховый платок на сутулые плечи, подслеповатые глаза щурились от утреннего света. Людмила плюхнулась на мягкую перину. Мать выжидающе молчала.

– Ой, мамочка, как хорошо-то! Вы даже себе представить не можете, – она сладко потянулась.

– Как ты, в платье-то?

– Мама, все на меня так смотрели-смотрели. И я, честное слово, была лучше всех на балу. И даже дочка директрисы выглядела хуже меня. И вообще – она жутко худая. И у нее совсем нет бюста. Она подкладывает туда вату, – Людмила прыснула в кулачок.

– Кавалеры-то были?

– Ой, этого добра хватало.

– Стоящий был кто?

– Мамочка, мне за этот вечер три кавалера сделали предложение руки и сердца. Первого звали Владлен, второго Михаил, третьего Николай Петрович.

– И кто этот... Петрович?

² Она очень милая – (франц.)

– Ой, он какой-то чиновник. Директриса представляла его, как члена попечительского совета.

– Богат?

– А я почему знаю? Он лысый и противный. А вот Михаил ничего себе... У него такие усики...

– Дура, – беззлобно отмахнулась мать.

– Ну, чего вы, мама? Я же говорю: трое делали предложение. Ждите на днях сватов. А мы еще повыбираем-повыбираем...

Но выбирать Людочке не пришлось. Ни завтра, ни через неделю к ней никто свататься не пришел.

Людмила ходила сонная и немного расстроенная. Будущее пугало. Гимназия осталась позади, выветрилось и пьяное, сладостное похмелье выпускного бала. Что делать дальше, Людмила не знала.

Мать все также строчила на своей машинке и тяжело вздыхала. Людмила морщила лоб и листала скучную книжку. В доме все будто застыло.

– Кому мы, нищие-то, нужны? – мать перестала строчить и устало откинулась на стуле. – Они, поди, узнали, что ты бесприданница, вот и не пришли свататься.

– Кто?

– Да, кавалеры твои. Кто еще-то? Может, соседи еще напакостили. Порассказали, де, кто мы есть. Или тетка Маланья сурочила. Она же видала, как ты собиралась на бал. И так смотрела, так смотрела буркалами своими завидующими. Точно ведьма! Надо бы умыть тебя от сглаза, на воду нашептать...

– Ах, маменька, бросьте. Все эти кавалеры ничтожны. И даже Михаил этот, с усиками... похож на крысу. Ну его!

– Ничего, дочка, не горюй. «Выйти замуж – не напасть; как бы замужем-то не пропасть». Найдешь еще свое счастье. Где это видано, чтобы такая красавица, да в девках засиделась. Погоди, мы свое еще возьмем. А пока, я думаю, тебе надобно поступать на службу. Чего дома прохлаждаться, да бока отъедать? Походи на днях, поспрашивай: может, кому нужна горничная или нянька. А там, как бог даст, – мать ожесточенно застрочила на машинке.

– Ладно еще в горничные, маменька... Но в сиделки я не пойду. Не для того училась.

Людмила стала есть засахаренное варенье и думать, бог знает о чем.

* * *

Через два дня в воротах их дома раздался стук. На пороге стоял дворник из гимназии. Он передал от директрисы записку. Людмила взволнованно раскрыла ее:

*«Мадемуазель, у меня к Вам есть важный разговор. Прошу Вас прийти ко мне завтра, ровно в полдень.
Мария Германовна»*

– Что там? – спросила мать с тревогой.

– Маменька, директриса зачем-то приглашает меня к себе.

– Ну, так сходи.

На следующее утро Людмилочка встала раньше обычного. Она тщательно причесалась, заплела две косы и заколола их на затылке. Прошлась возле зеркала. Потом отчего-то передумала, распустила волосы и заплела одну косу. Она пощипала себя за щеки и облизала пухлые губы.

– Маменька, как вы думаете, что мне надеть? Может, васильковое платье или выпускное?

– Зачем выпускное-то? Не на бал же тебе идти. Раз для делового разговора, так надевай свое форменное платье и передник.

Людмила скорчила недовольную гримасу. Ей так не хотелось заново надевать надоевшее гимназическое платье. Но делать было нечего, наверное, мама была права.

– Ты поживее, давай! Каша стынет, – окликнула мать. – Сколько можно возле зеркала вертеться! Одевайся, завтракай и ступай к Марии Германовне.

Через час Людмила уже подходила к серому зданию гимназии. Она пришла чуть раньше назначенного времени. В здании стояла непривычная тишина – все девочки разъехались на летние вакации³. Дворник Архип проводил Людмилу в вестибюль и велел обождать. Когда часы пробили ровно двенадцать, сверху спустилась одна из пепиньерок и велела Людмилочке подняться.

Когда она подошла к дверям кабинета директрисы, то услышала приятный мужской баритон и смех Марии Германовны.

– Мария Германовна, голубушка, вы совершенно правы – воспитание и образование девиц сейчас настолько важно, что в любом умалении его роли я вижу проявление крайнего невежества и более того, подрыв предпосылок для расцвета Российского государства, его дальнейшего процветания, наконец.

– Ну?

– Да! Да! Вы знаете, я читал статьи Константина Дмитриевича⁴. И он утверждает, что «Воспитание призвано оказывать влияние на нравственность общества, возвышать дух над телом, выдвигать вперед духовные потребности». А что есть воспитание женщины? Это и есть – основа основ воспитания нравственной чистоты и непорочности.

– Анатолий Александрович, как жаль, что вы так редко бываете у нас в гимназии. Я хотела бы просить вас вести курс по педагогике.

– Ах, дорогая Мария Германовна, всенепременно буду рад ответить вам своим согласием, но чуть позже. Ибо, на моих отцовских плечах сейчас лежит воспитание трех собственных дочерей. И даже, как вам не покажется забавным, и собственной супруги.

– Даже так? – хохотнула директриса.

– Увы, – мужчина всегда должен быть пастырем в собственном доме. Даже если жена зрелая дама и сама мать, она все равно, как никто иной, нуждается в советах и опеке своего супруга. Опеке и постоянном контроле. В этом я вижу пока свою главную обязанность, как мужа, отца и главы семейства. Хотя, и в Губернской земской управе у меня достаточно обязанностей. Открытие сиротских приютов, училищ для бедноты, школ, заседания в попечительском совете.хлопот много...

Людмила топталась возле неплотно закрытой двери в комнату директрисы и не решалась войти. Её окликнула пепиньерка:

– Мадемуазель Петрова, заходите же. Вас ждут.

Людмила решительно постучалась в дверь.

– Entrez⁵, – прозвучало из-за двери.

– Bonjour, madame, – робко ответила девушка, переступив порог.

Сухопарая директриса Мария Германовна Ульбрихт, дочь потомственного ученого и педагога, которую все воспитанницы звали не иначе, как Матан, восседала за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Кабинет директрисы был достаточно велик. Здесь стояли два шведских книжных шкафа, полных книгами и учебниками, этажерки с микроскопами, глобу-

³ Вакации – гулящая, праздная пора; в значении каникул или праздничных дней.

⁴ Имеется в виду Константин Дмитриевич Ушинский – русский педагог, писатель, основоположник научной педагогики в России (1824–1871) (Примеч. автора).

⁵ Entrez – входите (франц.)

сом и старинной астролябией, которой директриса очень гордилась, ибо считала, что изготовил сей астрономический раритет сам Гуалтерус Арсениус. Почти все воспитанницы не разбирались в том, для чего предназначена сия астролябия. Но все точно знали, что директриса ей очень дорожит и не разрешает к ней прикасаться даже горничной во время уборки кабинета. Людмила лишь три раза за все время учебы бывала во «святой святых» ее учебного заведения – кабинете директрисы. И теперь с удовольствием и чуть отстраненно рассматривала все то, что таило в себе это сакральное для всех учениц место. Тем больше ее удивил тот факт, что наряду с очень важными учебными предметами, возле стены стоял кожаный диван, на котором лежало... несколько новеньких шляпных коробок, по виду очень дорогих, и пара красивых упаковок от модистки. О, Людмилочка знала этот дорогой модный салон, в котором покупались такие платья, о которых она даже не смела мечтать. Она знала этот салон по шуршащим ажурным пакетам, перевязанным розовыми бантами. Далее ее взгляд задержался на двух фарфоровых чашках с остатками чая и роскошной бонбоньерке, полной шоколадных конфет. Вся эта дамская легкомысленность никак не вязалась с образом всегда сдержанной и строгой Мамап.

Все детали Людмила ухватила лишь мимоходом, даже не успев связать их в какие-то более стройные образы, ибо главным было иное. Чуть откинувшись в кресле, в небрежной, но красивой позе сидел обладатель приятного баритона. Людмила узнала этого господина. Он присутствовал на ее экзамене по литературе. Именно он тогда высказал одобрение, слушая ее чтение отрывка из «Евгения Онегина». Она вспомнила и то, как пристально он разглядывал ее в золотой лорнет. Он и сейчас с легким прищуром поглядывал на девушку. И взгляд этот был полон смешливого лукавства, вызова, оценки. Он смотрел так, что Людмила вспыхнула и опустила глаза.

– Ах, вот и наша опоздавшая. Мадемуазель, вы слишком долго идете, – строго проговорила директриса, – вы опоздали почти на семь минут.

– Простите, мадам, – только и вымолвила девушка.

Она никак не могла отделаться от жуткого смущения, охватившего все её естество.

– Итак, мадемуазель Петрова, – бесстрастно продолжила мадам, рассматривая Людмилу с плохо скрываемой неприязнью. – Скажите, как вы поживаете?

– Спасибо мадам, хорошо, – тихо ответила Людмила.

– Вы уже отдохнули от занятий?

– Да, мадам.

– Скажите мадемуазель, вы уже думали что-то о своей будущей службе?

– Думала.

– И? Вы нашли себе место?

– Нет пока...

– Ну что же, отлично. Это обстоятельство как нельзя кстати, – улыбнулась директриса одними уголками тонких губ. – Я хотела бы познакомить вас с Его Сиятельством, графом Краевским Анатолием Александровичем. Он попечитель нашего учебного заведения и присутствовал на наших экзаменах. Мадемуазель, Анатолий Александрович довольно высоко отзывался о ваших знаниях по литературе, кои наши доблестные преподаватели смогли-таки вложить в вашу голову. Дело, собственно, вот в чем: Анатолию Александровичу нужна в доме расторопная горничная с образованием. Помимо хозяйственных нужд, она должна уметь подать правильно куверт, уметь обращаться с дорогими столовыми приборами, помогать господам одеться, а также на время суметь заменить гувернантку в присмотре за младшими детьми. Супруга Анатолия Александровича в положении, семью снова ждет пополнение. Словом, Анатолий Александрович и сам все расскажет о своих требованиях и ваших обязанностях.

– Да, мадам...

– Что да? Вы согласны?

Людмила так и не смела поднять глаза на этого симпатичного господина. То, что он симпатичный, она поняла сразу. Тридцатипятилетний Анатолий Александрович был высок, широк в плечах, плотного и сильного телосложения. Его живое лицо довольно часто озарялось чуть ироничной, блуждающей, белозубой улыбкой. Хороши были и его темные усы с бородкой. А серые глаза горели лукавым и пронизательным огоньком.

– Мария Германовна, дорогая моя, драгоценная, мы с вами совсем смутили нашу мадемуазель.

Он встал со своего места и подошел к Людмиле. Та стояла ни жива ни мертва. От него так вкусно пахло – одеколоном, сигарами и еще чем-то головокружительным, едва уловимым.

– Людмила Павловна, скажите, вы согласны работать у меня? Зимой мы с семейством живем чаще в городе, а летом выезжаем либо за границу, либо в наше фамильное имение. И вам придется иногда сопровождать мое семейство. Но я могу уверить, что у вас будет довольно приличное жалование, и не столь обременительный круг обязанностей.

Он аккуратно прикоснулся к ее запястью и посмотрел в глаза.

– Людмила Павловна, вы согласны?

У Людмилы чуточку закружилась голова. Его прикосновение было настолько тревожно, что она вздрогнула и глупо одернула руку. «Все, как хотела: меня называют по имени отчеству. И кто? Такой мужчина... Видно, он чертовски богат, дворянин... Чего же лучше мне искать?»

– Да, я согласна, – охрипшим голосом подтвердила Людочка.

– Ну, вот и славно. Дело, я полагаю, слажено. Людмила Павловна, вы успеете собраться до завтрашнего утра? Мой приказчик смог бы завтра утром заехать за вами. И уже отвезти в наш дом.

– Да, – тихо ответила Людмила.

– Мадемуазель, отвечайте громче, – встряла Матан, и тон ее голоса отчего-то был сильно раздраженным. – Если бы вы слышали, Анатолий Александрович, как мои старшие ученицы носятся в рекреационной зале⁶ и громко кричат. – Петрова, у вас что, пропал голос?

– Да, – повторила Людмила громче.

– Вы даете себе отчет, что вам, Петрова, оказывается большая честь, приглашением в семью графа Краевского? Что сотни выпускниц нашего заведения мечтали бы о такой вакансии.

– Да, да, я согласна, – Людмила почти пришла в себя и сделала глубокий книксен.

– Ну, то-то же! Идите и собирайтесь. Завтра за вами заедут.

– Да, Людмила Павловна, мой приказчик будет у вас завтра, в десять утра.

– Мадемуазель Петрова, вы можете быть свободны, – проговорила директриса. – Надеюсь, что ваша служба в доме графа будет ответственной и добросовестной. И пусть имя ваше будет стоять в ряду самых лучших выпускниц наших курсов и олицетворять собой образец трудолюбия, честности, нравственности и непорочности.

Людмила кивнула и быстро вышла из кабинета директрисы. Сердце стучало возле самого горла. Сначала она шла быстрыми шагами, а потом и вовсе бросилась бежать и бежала до самого дома.

– Мамочка!

– Что? Сядь ты, оглашенная! Что стряслось?

– Меня берут на работу в дом графа Краевского.

– Графа? А кто он такой? Поляк что ли?

– Мамочка, ну откуда мне знать: поляк он или немец? Может, русский.

– Нет, фамилия-то польская...

– Ну, он по-русски же говорит и по-французски тоже.

⁶ Рекреационная зала – место отдыха учениц. Здесь они обычно прогуливались во время перерывов между уроками.

– Эвона, по-французски. Рассказывай, – взволнованно произнесла мать. – А я знала! Знала, что подфартит! Я уж ходила ворожить к Лексевне. Тебе не говорила нечего. А Лексевна говорит: то ли дом казенный, то ли служба падает, и король трэф.

– Мама, да ну какой там король трэф, – отмахнулась Людмилочка, а сама почему-то вспомнила прикосновение графа. И тут же у нее заныло внизу живота.

– Милка, ну что ты молчишь? – услышала она голос матери, доносившийся откуда-то издалека. – Что застыла-то!

– А? Что?

– Я спрашиваю: когда ехать-то?

– А... Завтра. Завтра за мой заедет их приказчик.

– О господи, так надо же вещи собирать. Милка, ну что ты сидишь? Доставай платья, кофты, юбки... Тряпки, полотенца. А, может, там дадут одежду форменную... Тебя кем туда берут?

– Горничной, мама, – ответила Людмила и упала на подушку.

– Людмила, ты что?

Та не отвечала, через минуту раздались первые всхлипывания, перешедшие в сильный девичий плач.

– Ну, что ты, дочка? – мать обняла и прижалась к Людочке.

– Как я там буду без вас, маменька?!

– Ну, глупенькая. Я же выучила тебя, ты уже взрослая. Должна сама себе на кусок хлеба зарабатывать. И мне будет легче, и сердцу за тебя спокойно, что в хороший дом попала. А самое главное, как я тебя учила: не теряйся там. Присматривайся к женихам холостым, чтобы не бедный только был, с состоянием. Слышишь, дурочка?

– Слышу...

* * *

На утро следующего дня к дому Петровых подъехал экипаж, запряженный сытой гнедой лошастью. На козлах сидел кучер. Из экипажа выскочил энергичный молодой мужчина, невысокого роста, одетый в темный, простенький, но аккуратный сюртук.

– Здесь проживает мадемуазель Петрова? – спросил он скороговоркой у стоящей в ограде матери.

– Здесь, здесь, – ответила мать, тревожно и оценивающе поглядывая на приказчика.

Людмила вышла из дома с двумя большими чемоданами. Ее глаза предательски блестели от слез. Проводы были недолгими. Мать перекрестила ее на прощание.

– С богом, доченька, – проговорила она, утирая глаза.

– Ну-у, вы мамаша, так прощаетесь, будто ваша дочь едет на край света, – усмехнулся веселый приказчик. – Дом графа находится на другом конце города. Так что увидите с вашей красавицей на выходных. Если только граф не поедет на днях в свое поместье. Тогда только осенью. Да и то: уж, сколько то лето? – рассмеялся он и заскочил в экипаж.

– Вы ее там не обижайте, господин хороший, – заискивающе попросила мать.

– Не обидим. Хозяин у нас хороший, добрый. Хозяйка – та чуть строже. Но жить можно.

Кучер привязал чемоданы в задней части экипажа. Заскочил на козлы, и экипаж тронулся, увозя Людмилу в новую, неведомую ей жизнь.

Мать еще долго стояла на дороге и крестила удаляющуюся карету, пока та не свернула за угол крайнего дома и не пропала окончательно из виду. Женщина вздохнула и пошла в дом.

Людмила по дороге старалась не смотреть на молодого приказчика. А тот, наоборот, разглядывал ее пристально.

– Не бойся, не съедят тебя там, – хмыкнул он.

– Вот еще. Я и не боюсь.

– Ну, давай тогда знакомиться, барышня. Меня зовут Николаем Степановичем. Но ты можешь называть и просто Николаем. Я разрешаю тебе. Так-то со всеми работниками я строг, а с тобой могу быть ласковым, – подмигнул приказчик.

Людмила промолчала.

– Я смотрю, ты не очень-то и разговорчива. Хотя, это хорошо. Наша барыня болтушек не любит. А ты, Людмила Павловна, у нас, значит, гимназистка.

– Я выпускница гимназических курсов имени княгини Ольги, – гордо ответила Людочка.

– Ну-ну. Вот что, Людмила, мой тебе совет. Слушай внимательно. Барыня у нас строгая. Она часто бывает не в духе. Сейчас вообще в положении, четвертым ходит. Если и накричит на тебя или посмотрит косо, ты смолчи и не горюй. Не велика беда. Зато граф у нас щедрый. Если понравишься ему и будешь проворной, то назначит тебе хорошее жалование. Ладно, сама потихоньку все увидишь. Если что непонятно будет, то не стесняйся, спрашивай у меня. Я все тебе растолкую. У нас уже есть несколько горничных. Они все тебя постарше будут. Потому, первое время слушайся их. Особенно Капитолины Ивановны. Она дама в летах. Станет тебя всему учить. И да, мать-то твою я немного обманул. Видишь как, оно неловко-то вышло... Жалко ее стало. Выходные у нас редко бывают. Чтобы заслужить первые, надобно три месяца отработать, без нареканий и наказаний. Тогда начнут на день отпускать. А самым усердным дают отпуск на три дня. Капитолина как-то ездила к родне на две недели. Так она и работает при господах с самого рождения Анатолия Александровича. Она его еще нянчила. И вот еще что, если начнешь письма писать домой – пиши, что все, мол, хорошо и всем довольна. Не забывай нахваливать хозяйку. Письма все Капитолина с хозяйкой читают перед отправкой. Это тебе – мой совет дружеский. Мог бы и не говорить, – приказчик фыркнул. – Да ты я, гляжу, и не рада...

Людмила действительно сидела огорошенная той новостью, что не сможет так долго увидеть свою мать и братьев. Из глаз снова потекли слезы.

Прошло немного времени, как экипаж въехал в резные ворота. За ними простирался покрытый первой весенней зеленью сад. В нем росли высокие дубы, клены, липы. Меж ними бежали ровные дорожки, посыпанные мраморной крошкой. Из-за бурно разросшихся деревьев едва обозначились ярко-голубые прогалины. Людмила догадалась, что это оказался господский дом.

К ним почти бегом поспешил косолапый, чернявый и смуглый дворник. Он бросил на траву грабли и подхватил чемоданы. Приказчик же шел налегке. За ним едва поспевала Людмила. Из глубины огромного парка раздавались детские голоса и чья-то монотонная, взрослая речь. Как только они оказались на территории графского дома, приказчик весь распрямился, сделал важное лицо и стремительной походкой направился в сторону этих звуков.

Ближе к дому дорога раздвинулась, по обеим сторонам появились круглые гипсовые вазоны, украшенные лепными амурами, попадались прямоугольные клумбы – очень ровные и ухоженные. Она пестрели первыми весенними цветами. Над ними порхали бабочки.

«Как тут красиво, – подумала Людмила – Красивее, чем в городском саду. А цветы какие яркие. Где только такие семена достали? Начало мая, а они уже цветут! Может, из теплицы? Я ни разу таких не встречала... А вон и скамейки... Стол, качели. Господи, здесь есть качели! А там, в тени, какой-то диван или что это? Ах, на нем кто-то сидит. Похоже, барыня. И дети ее. А рядом, видно, бонна».

Увидев пеструю когорту господ, Людмила так растерялась, что чуть не споткнулась на ровном месте.

– Ваше Сиятельство, Руфина Леопольдовна, рад видеть вас в добром здравии! – нараспев и подобострастно крикнул приказчик издалека. – А я с утра, по поручению графа, привез новую горничную. К вам подвести ее?

Ответом была полная тишина. Спустя пару минут, в течение которых приказчик мялся и почесывался, а Людмила стояла поглупевшая, с бьющимся, словно у воробья сердцем, раздался скрипучий ответ:

– Подведи.

Приказчик взял девушку чуть выше локтя и стремительно поволок ее к хозяйке.

Глазам Людмилы предстала следующая картина: в середине обширного синего дивана, над которым полукруглой крышей возвышался плетеный из лозы козырек, закрывающий от солнца и увитый еще нераспустившимся вьюнком, восседала узкоплечая и худосочная особа в строгом темном платье и шелковом чепце. Ниже плоского лифа платье расходилось свободными фалдами. Людмила не думала о том, как должна выглядеть графиня... Она совсем об этом не думала. Но та дама, что сидела напротив, поразила ее резкими, почти мужскими чертами серого лица, щедро усеянного кофейными пятнами пигментации, крючковатым носом и впалыми щеками. Но более всего Людмилу поразили глаза графини. Они отчего-то были красные и казались злыми.

«Да, сколько же ей лет? – пронеслось в голове. – Она же, наверное, много старше своего супруга? А может, она нездорова? Или это беременность на нее так повлияла? И все равно... Господи, как она нехороша...»

Вокруг нее, на этом же диване, сидели три девочки. Двое из них очень походили на свою мать – худобой и резкостью черт детских лиц. На вид им было лет по пять. Они были близнецами. Третья девочка, помладше, наоборот, выглядела точной копией своего отца. Живые темно-серые глаза светились яркими огнями на довольно миловидном личике. Эта девочка казалась подвижнее двух своих сестричек. Она то и дело вскакивала, принималась прыгать на одной ножке, вертеться и дергаться в желании куда-то убежать. За что мать одергивала ее рукой, свободной от веера и говорила что-то коротко, по-немецки. Девочки были одеты строже, чем обычные господские дети. Неяркий тон платьиц, аскетичность кроя и длина, напоминали подрясницы монашек какого-то монастыря. Рядом с семейством, на широком табурете, восседала грузная бонна в форменном платье с передником и читала какую-то толстую книгу.

Когда приказчик подвел Людмилу к графине Краевской, девушка сделала глубокий книксен. Графиня молча достала из ридикюля лорнет и уставилась сквозь него на девушку. Людмиле показалось, что прошла целая вечность. Правая щека графини задергалась вместе с уголком узких губ. Она убийственно молчала. У Людмилы заныло под ложечкой, и закружилась голова. Она переминалась с ноги на ногу, не зная, куда деть глаза.

«Господи, зачем я надела это голубое платье? Я в нем так нелепа. Здесь другие порядки...»

Первым подал голос приказчик:

– Руфина Леопольдовна, мы тогда пойдем-с? С вашего позволения, я отведу мадемуазель к Капитолине Ивановне?

Но ответом была все та же, тягостная тишина.

Приказчик попятился, увлекая за собой Людмилу.

– Видишь, как оно... Даже говорить не захотела. Не приглянулась ты ей, дева. Ну, да ничего. Хозяйка у нас в положении, и Анатолий Александрович ее в деревню, на свежий воздух и парное молоко, скоро увезет. А ты, наверное, тут пока останешься... Ладно, все как-нибудь утрясется.

Они вышли к роскошному голубому особняку. Рассеянный взор Людмилы уловил два высоких этажа и треугольный фронтон большой мансарды, украшенный круглым лепным окошком. На голубом фоне ровными и ослепительно белыми выглядели рамы высоких распахнутых окон, в которых трепетали шелковые присборенные портьеры светло серого оттенка. Такими же белыми казались и рустованные пилястры, идущие рядом с окнами.

Огромная круглая клумба, разбитая возле центрального входа, пестрела роскошными анютиными глазками и таила в своей сердцевине небольшой, но изящный фонтан, чья чаша, тоже напоминающая открытый цветок, выбрасывала из себя струи серебрящейся на солнце воды.

– Здесь нельзя долго стоять, – услышала она тихий голос приказчика, – Людмила Павловна, идите за мной.

Они обогнули особняк с левой стороны. Рядом с основным зданием, примыкая к нему и чуть уходя к заднему двору, находился одноэтажный хозяйственный флигель. В одной из скромных, небольших, но сухих и чистеньких комнат этого флигеля проживала старшая горничная. Были здесь комнаты и для другой прислуги. Ниже основного этажа шел объемный подвал с множеством отсеков и кладовых с припасами.

Приказчик провел нашу юную героиню по неширокому коридору, пока они не уперлись в дубовую дверь. Приказчик постучал.

– Да, да, войдите, – раздался немолодой и резковатый женский голос.

А далее наша приунывшая героиня была представлена Капитолине Ивановне – седовласой и плотной, немолодой женщине. Та долго и нудно разъясняла девушке ее новые обязанности. Дала ей в руки список правил для горничных, переведенный с английского языка. Буквы прыгали перед глазами Людмилы. Из списка она поняла, что в этом доме у нее не будет ни одной свободной минуты. Ей даже не позволялось без особой нужды пересекать территорию сада и вообще выходить на улицу.

– В обязанности горничной входит уборка, мытье полов, стирка, утюжка, штопка белья, чистка серебра и столовых приборов, мытье пола, топка печей, выемка золы, исполнение мелких поручений и многое-многое другое. Ты должна превратиться в тень. Тебя не должно быть ни слышно, ни видно. Должна стать тихой, как приведение, и скорой, как ласточка... Ты поняла меня? – отчеканила строгая Капитолина.

– Да, мадам.

– Я, конечно, сомневаюсь, чтобы ты все поняла с первого раза. Я буду тебя учить и строго с тебя спрашивать. Первое время ты будешь больше делать по дому черную работу. Господа на днях уедут в фамильное имение, в деревню. Оставшиеся здесь слуги должны будут помыть стены, отскоблить всю копоть на кухне и кухонной посуде, побелить потолки в подвале, натереть паркет, просушить все подушки, одеяла, воротники, муфты и многое-многое другое.

– Мадам, а за столом или на званных обедах... ваши горничные не прислуживают?

– Что?! – Капитолина аж поперхнулась от такого возмутительного и странного вопроса. – Вот еще! Твое место – подвал, чердак, хозяйственный флигель, портомойня, кухня и задняя лестница. Если хоть раз я увижу тебя у парадного входа, на лестнице, где господа ходят или в их покоях без разрешения, сразу лишу жалования. А повторится еще раз – выгоню.

– Дело в том, что я не кухарка, я училась...

– И что? У нас все горничные грамотные. Ишь, что удумала. На простых обедах господам прислуживаю я, либо камердинер, Федор Давыдович. А на званных вечерах они выписывают официантов и метрдотеля из ресторации князя Верийского.

– Но, как же... Я же немного и по-французски знаю. Может, мне другая какая работа найдется? – робко упорствовала Людмила.

– Другая работа тебе найдется, а как же, – зловеще, прямо в ухо, обдавая нечистым дыханием, прошептала ей Капитолина. – Я бы прямо сейчас нашла тебе другую работу, если бы не прихоть нашего Анатоля. – Вот, прямо в этом голубом платье я бы и отправила тебя на другую работу: ноги в доме терпимости раздвигать. Ты зачем так вырядилась? А? Захотела барина нашего соблазнить? Или графиню разозлить? Смотри у меня. Признавайся, ты дева?

– Да, – дрожащим голосом ответила ей Людмила.

– Сегодня вечером я тебя осмотрю.

– Как это?

– Ноги раздвинешь и покажешь..., что не грешила.

– Но!?

– Не запрягала никого. Такой порядок у нас, – уже спокойнее объяснила Капитолина. – Я должна проверить твою девственность и отсутствие заразы. Ты с посудой дело будешь иметь, а может, и с детьми когда. Сначала я проверю, а после, на неделе, и доктор приедет. Я никогда Илью Петровича, доктора, не гоняю задаром. Ибо, его визиты денег стоят. Потому и осматриваю всех горничных поперед сама. И вот еще что, проверять здесь тебя будут каждые три-четыре месяца. Если начнешь сожительствовать с кем, сразу выгоню. Тут и хозяин не поможет. У нас такой порядок – здесь одни девы работают.

– И даже вы? – глупо поинтересовалась Людмила, дрожа от страха.

– И даже я. Я – дева, хотя мне уже пятьдесят пять, – гордо ответила Капитолина. – Не мной это заведено, однако, порядок есть порядок... Еще покойница, мать Анатоля, сие завела. И графиня тоже поддерживает эти правила. Матушка наша, Руфина Леопольдовна, дама очень строгая. Веры католической. Она одну горничную, прижившую ребенка от бывшего истопника, самолично приказала отвезти в монастырь. Там и рожала та распутница...

– А если я выйду замуж? Я же мужа и детей хочу...

– А вот, как соберешься, так и пойдешь отседа. И рожай тогда кого хочешь, и от кого хочешь. А по мне так, хоть от черта!

Затем строгая Капитолина Ивановна отвела Людмилу на чердак. Там располагалась ее отдельная комнатка. В комнате стояла обшарпанная прогнутая кровать, набитая соломой, умывальник и потрескавшийся комод. В самом верху находилось маленькое чердачное оконце.

– Все горничные у нас живут на чердаке. Эта комната зимой холоднее других. Но Анатолий Александрович распорядился дать тебе именно эту. Да и в той, где живут другие девушки, по-правде говоря, уже нет места. Будет холодно, заткнешь оконце тюфяком. Ничего, не околеешь. Потому, получай белье, два форменных платья, передники, чепцы.

– Ой, да они же большущие, – возразила Людмила, глядя на платья.

– Да, я на себя их когда-то шила, прозапас. С первого жалования начну вычитать с тебя за них. Они дорого мне обошлись. Ткань добротная, крепкая, подъюбник пышный, передник холщовый... Глянь, как отбелен! Воротник на коклюшках вязан. Я бы никогда не отдала тебе эти платья, да не в васильковом же ты тут щеголять будешь? А то, что не по размеру, так невелика беда. А для чего тебе иголка с ниткой? Если большое, то ушьешь. Тебя мать-белошвейка, что с иголкой обращаться не научила?

– Откуда вы знаете про мать? – неприятно поразилась девушка.

– Я все, милая, знаю... Распаковывай пока свои вещи. Сейчас тебе еще сундук принесут и ковш для умывания. Через час спускайся по задней лестнице в подвал, в кухню – обедать.

Как только старшая горничная ушла, Людмила потрогала новое форменное платье. Она встряхнула его. Пахнуло чем-то прелым и кислым. А из рукава вылетела моль. «Господи, сколько лет лежало это гадкое платье? Оно же жутко колючее и воняет!»

Она упала на кровать и обхватила голову: «Я пропала. Про-па-ла... Какие женихи? Какое замужество? Господи, куда я угодила? Если будет совсем невыносимо, я сбегу. Но... Тогда они мне не дадут рекомендации на новое место. Может, Анатолий Александрович даст? Или сразу отпустит меня? Как я о нем забыла? Приказчик говорил, что хозяин добрый...»

Людмила вдруг вспомнила о красивом графе и снова задумалась. Она не поняла, сколько прошло времени. Ей все время казалось, что она попала совсем не в свою жизнь. Что надо встать и выйти из этого запутанного лабиринта. Она просто ошиблась дверью. Ее жизнь – это выпускной бал и кружение вальса, ее жизнь – это цветы, комплименты, красивые платья и усатые офицеры... Ее жизнь... Господи, даже сам граф входил в тот мир, который мстился душе юной красавицы. Но не грязные полы и посуда, не эти лежалые, огромные и колючие

платья, ни эта старая карга. Чего она решила у меня проверять? Стыд-то какой. Не может быть, чтобы все это было правдой.

Она знала, что ее жизнь сильно отличалась от жизни тех подруг, с которыми она училась. Тех, чьи родители были много богаче ее бедной матушки. Но мать, не покладая рук, днями и ночами строчила, штопала, вышивала чужое белье и выручала за это какие-то средства. Она сэкономила на многом, лишь бы ее дочь не выглядела хуже своих одноклассниц. Как ей это удавалось? В силу безоглядной беспечности, присущей лишь молодости, Людмилочка редко задумывалась о том, каких трудов это стоило рано постаревшей и поседевшей матери. Мать делала все, чтобы суровая и грязная действительность не коснулась ее детей и особенно любимой дочери. Она верила в ее светлое, обеспеченное будущее. Людмила заплакала от жалости к себе и своей матери.

«Надо взять себя в руки. Если я сбегу, мама сильно расстроится. Наступил и мой черед, помочь маме. Ладно, поживем-увидим... Как бог даст», – она перекрестилась и поцеловала свой серебряный крестик.

В коридоре раздались шаги. В дверь кто-то стукнул и, не дожидаясь ответа, отворил ее. В комнату заглянула полная рыжая женщина, лет тридцати.

– Спускайся на обед. Капитолина Ивановна зовет.

– Да, спасибо, я сейчас.

Людмила заметалась по комнате. «Господи, а что я надену к обеду? Им же не понравилось это васильковое платье... А эти, тяжелые платья Капитолины? Я в них утону».

Недолго думая, она накинула на плечи темный шерстяной платок, стараясь плотнее упрятать васильковый лиф любимого платья – мать сунула платок в чемодан, на всякий случай, для тепла, и поспешила к выходу. Когда она спускалась вниз по неширокой винтовой лестнице, с заднего двора особняка, то услышала громкий разговор, доносившийся из раскрытого окна второго этажа. Сначала раздался истерический смех, а после последовали быстрые фразы на французском и немецком языках. Говорила женщина. И тон ее голоса был очень взволнован, если не сердит. Приятный мужской баритон что-то ласково возражал, также по-французски. Людмила не разобрала эти обрывочные реплики. Но в голосе мужчины она узнала графа. Теперь точно говорил он. И уже по-русски. «Господи, да это он разговаривает со своей женой, Руфиной».

– Дорогая, ангел мой, зачем ты так кричишь? Тебе, в твоем положении, совсем нельзя волноваться.

– Кричиш-ш-ш? Я вас ненавижу, граф, – злобно ответила ему Руфина.

– Душка, ты просто не в себе...

– Сначала вы пропадаете на целую неделю...

– Господи, Руфина, ну, ты же знаешь, что я ездил в командировку от Земской управы по вопросам сиротского образования, – перебил ее супруг. – К чему все эти подозрения? Это становится невыносимо... Право, цветик мой, пойдешь, полежи...

– Не есть перебивать меня! – закричала графиня с сильным немецким акцентом. – Я не договорила. Сначала вы пропадаете, бог знает где. А потом приводите в дом какую-то уличную grisette⁷.

– Ну, что ты такое говоришь, Руфина? – страдальчески возразил Анатолий Александрович. – Эта девушка чиста и невинна. Она только что закончила гимназические курсы. Я согласовывал ее поступление к нам с Марией Германовной, директрисой гимназии. Голубушка, ты же помнишь Марию Германовну? Я представлял тебе ее на Рождественском балу у князя В-кого... И вот она сама просила пристроить девицу...

⁷ Grisette – (франц.) устарелое слово. Молодая горожанка (швея, хористка, мастерица и т. п.), не очень строго придерживающаяся нравственных правил.

– Я не помню всех ваших знакомых! Пока я буду носить очередное ваше дите и рожать его в муках, вы будете забавляться с этой молодой кокоткой! – прокричала она и вдруг зарыдала. И крики ее были похожи на вой сумасшедшей.

– Воды! Федор, воды! – крикнул граф кому-то.

Потом послышалась возня, звон разбитой посуды, глухие удары.

Дальше Людмила не стала слушать, она отпрянула от окна и поспешила вниз, на кухню.

«Господи, боже мой! Что делать? Графиня так ко мне настроена. Что это за дом? Господи, я пропала... Пусть граф лучше отправит меня назад, домой. Зачем такие подозрения? Зачем он предложил мне эту службу?»

Пройдя два узких коридора, она скорее по запаху кислой капусты определила то место, которое называлось кухней.

Перед ней открылось довольно мрачное помещение. Солнечный свет пробивался сюда из полукруглых стрельчатых окошек. Но даже в этот жаркий майский полдень здесь почему-то было зябко и сыро. Пахло не только кислой капустой, но и сажей и чем-то подгоревшим. Людмила чуть не упала, не заметив под ногами пару каменных ступеней, ведущих вниз, в помещение. Пока глаза привыкли к полумраку, она слушала лишь полную тишину и стук деревянных ложек.

– Проходи, проходи Людмила Павловна, – раздался из-за стола знакомый голос приказчика.

В ответ кто-то хмыкнул.

– Не велика честь, называть ее по отчеству. Не заслужила еще, – встряла Капитолина. Голос ее звучал глухо. Женщина что-то жевала. – Еще раз опоздаешь к обеду, будет тебе наказание, – деловито добавила она, смачно проглотив кусок хлеба. – Садись, что встала и рот разинула?

Людмила присела с краю длинной крашеной лавки. Кухарка подала ей миску каких то жидких щей и кусок хлеба. Девушка поднесла ложку ко рту – от щей противно пахло кислятиной и чем-то горелым, а хлеб был плохо пропечен.

– Ешь, не бойся, не отравят! – раздался чей-то булькающий мужской смешок.

Людмила тихонько подняла глаза. За столом сидело человек десять. Несколько мужчин. Среди них она узнала только приказчика и дворника. И несколько женщин. Большая часть женщин были одеты в форменные платья горничных, очень похожие на те, что дала ей Капитолина Ивановна.

Людмила сама не помнила, как прошел этот первый обед в доме графа. Она почти ничего не ела, на что приказчик попенял ей:

– Может, в гимназиях вас кормили пирожными? Нет? Ну, а коли нет, так ешь, голубушка, что подают, иначе исхудаешь и чахотку подхватишь.

В этот же день ее заставили утюжить огромную стопку белья. А после, до самого вечера, она вместе с двумя другими горничными стирала вещи детей и полотенца. Вечером был скудный ужин, состоящий из пшеничной каши и остатков господского пирога, который был поделен Капитолиной Ивановной по ее собственному усмотрению. Самые большие куски достались мужчинам и ей самой. Остальные, включая Людмилу, довольствовались подгорелыми горбушками, без начинки.

Людмила, едва живая от усталости, поднялась к себе в комнату. Единственным желанием было – лечь на кровать и забыться сном. Руки и ноги ныли с непривычки так, что она упала на подушку и заплакала. Она плакала долго и безутешно. За окном стало смеркаться, сознание затуманилось тяжелой дремой. Как вдруг в дверь громко и настойчиво постучали.

Людмила соскочила, плохо понимая, где она находится. Сразу после стука, дверь приоткрылась, и в комнату вошла другая горничная, которую звали Еленой. Людмила вместе с

ней стирала белье. Там они и познакомилась. Елене на вид было лет двадцать пять. Она была худенькой и довольно милостивой, если бы не врожденная хромота. Елена стеснялась своего изъясна и часто ходила боком, опуская низко темноволосую голову. Она показалась Людмиле добрее другой прислуги.

– Людмила, я вас разбудила? – спросила она с виноватым лицом.

– Нет, нет, Леночка, я просто прилегла...

– Вас зовет к себе Капитолина.

– Господи, зачем я ей? – устало проговорила Людмила. – Снова белье стирать?

– Нет... Вам надо к ней в комнату идти.

И вдруг Людмила вспомнила то, что ей сначала показалось нелепым сном. Вспомнила, что Капитолина собиралась осматривать ее. Но, как?! Она соскочила с кровати.

– Людмила, вы не переживайте... Тут это делают со всеми молодыми горничными. Не проверяют только пожилых, тех, кто давно работает. Поверьте, я сначала тоже переживала и даже хотела сбежать. Но, у меня больной папенька живет на Моховой, и брат младший. Мне очень нужны деньги. А в этом имении платят больше, чем в других. Немного, но больше... Я выясняла. У меня есть подруга, она работает в другой семье. Мы пишем друг другу письма. Их мне передает отец, – все это Елена произнесла довольно быстро, скороговоркой. – Людмила, вы очень красивы... Очень. И я боюсь, что наша хозяйка станет вас ревновать к своему супругу. Хотя... Кто мы? Мы, по сути, жалкие их рабы. Вы не бойтесь того, что заставит вас сделать Капитолина. Это... это, словом, это пройдет быстро. Вы главное – зажмурьте глаза. Так меньше стыда...

– Елена, да что же это?

– У вас есть близкие?

– Да, мама и братья.

– Во-оо-от. Идите ради них... И не думайте ни о чем.

Людмила оправила платье, снова накинула темную шаль и вместе с новой подругой спустилась вниз по задней лестнице. Они вышли вдвоем и направились в сторону хозяйственного флигеля.

– Ты пойдешь со мной?

– Да... Капитолина всегда делает это не одна. Надо держать свечу... В этот раз свечу буду держать я...

На улице пели соловьи, стояла теплая майская ночь, полная чарующих звуков, но Людмиле было не до них. Она холодела при мысли о предстоящем осмотре.

Когда Елена стучалась в комнату к старшей горничной, у Людмилы от нервного напряжения стучали зубы.

– Проходите, разувайтесь обе за порогом, – решительно произнесла Капитолина.

В ее комнате было светло – горело несколько свечей. Посередине стоял стол, застеленный чистой холщовой тканью. Сама Капитолина была уже без форменного платья. На ней была надета длинная, в пол, юбка и тонкая малоросская рубашка с вышивкой, сквозь которую просвечивали большие груди.

– Снимай чулки, панталоны, если носишь, и проходи сюда.

– Куда?

– Как снимешь нижнее исподнее, так забирайся на стол, поднимай юбку до груди и широко раздвигай ноги. И да, забыла спросить: ты сейчас белье не пачкаешь?

– Не поняла?

– Ты дурочкой-то не прикидывайся. Я спрашиваю: сейчас кровь не идет? Сухая ты?

– Нет... Крови нет сейчас.

– Тогда ложись. Да, поживее. Мне уже спать пора. Возись тут с вами. В следующий раз позову приказчика вас проверять, – зычным голосом рассмеялась Капитолина. – Что смотришь? Пошутила я...

Людмилу всю трясло от этого унижения. Елена стояла в стороне, стараясь не смотреть на свою новую подругу. Она делала вид, что рассматривает что-то на стене.

Людмила сняла панталоны и чулки и подошла к столу.

– Живее, – прикрикнула на нее Капитолина.

Людмила легла, длинные и стройные ноги свешивались со стола. Она зажмурила глаза и задрала юбки.

– Ох, горе мне с вами. Я как посмотрю-то тебе туды? Разлеглась она, как корова. Пятки на стол клади, ноги раздвигай, держи их руками... И раздвигай шире. А ты, Ленка, подь сюда и свети мне свечой, как следует, в самую середку. Да гляди, воском не капни, – он снова ухмыльнулась. – Не подожги ей п*зденку.

Людмила с ужасом проделала все, что сказала Капитолина. Она лежала ни жива ни мертва, зажмурив от стыда глаза.

– У, ноги-то отрастила. И холеная какая. Видать, мать хорошо тебя кормила, раз задницу такую и ляжки отъела. Кожа, как у барыни.

Все, что говорила эта пожилая женщина, казалось Людмиле гадким и непристойным.

– Шире ноги! Ленка, свети, как следует. А ты чего вся сжалась? Как я п*зду твою рассматриваю? Мне ведь надо глянуть целку в ней. Коли рваная, значит пойдешь отседа на все четыре стороны. Растяни-ка пальцами.

– Смотри, Ленка, вроде, дева она. Так? И, вроде, чистая. Так?

– Так, – охрипшим, смущенным голосом ответила ей горничная.

– Ну, а раз так, то вставай. И идите обе отседа. Устала я. Когда доктор приедет, еще раз покажешься ему... Ступайте быстро, я спать хочу. Живее.

Как только девушки оделись и ушли, Капитолина в задумчивости присела на кровать и стала расстегивать юбку.

– Машка, ты все видала? Иди ко мне... Мочи нет, как засвербело...

Из-за платяной шторки, выполняющей роль немудреной ширмы, тихо, словно кошка, вышла низкорослая женщина, тоже немолодая, но худошавая. Ее фигура походила на фигуру маленького мужичка. Нательная рубашка свободно болталась на широких и мосластых плечах. Жидкие волосы были собраны в пучок. Эту женщину звали Марией. Она тоже работала горничной у графа Краевского.

– Скажи, хороша стерва.

– Хороша, ничего сказать, – грубым голосом отвечала Капитолине Маша. – Только ты, моя жаркая медведица, во сто крат мне милее.

– Иди ко мне... Я как увидела ее п*зду розовую, веришь, аж голова кругом пошла.

– Что, на молодую потянуло? Ты это у меня брось! – по-мужски, грубо возразила ей Машка и схватила Капитолину за волосы. – Снимай юбку, медовая... – приказала она.

– Мне кажется, что Анатолий не случайно ее в дом-то притащил. Он хитрый как лис.

– А ты что, только поняла это? – усмехнулась подруга. – Он живо ее оприходует. Не воблу же свою лютеранскую ему любить. Жалко мне его. Деньги деньгами, но мог бы кого-то получше тогда сыскать...

– Не мог. Кредиторы уже имение описывали. А тут Руфина подвернулась. Такая выгодная партия.

– Выгодная... Как он на нее залазит только?

– Ой, не знаю... Как-то залазит, раз четвертым от него ходит.

– Он, поди, сына ждет?

– А то ж...

- А она снова девку принесет, – обе женщины беззлобно рассмеялись. Капитолина откинулась на пуховые подушки. Машка села в ногах.
- Что разлеглась? Сымай совсем рубашку. Я по титькам твоим мягким соскучилась.
- Ой, мочи нет... Машенька, возьми тыкалку потолще...
- Как тебя после девкиной п*зды-то разобрало... Ну ничего, я тебя сейчас лучше любого кобеля вы*бу...

* * *

Прошло две недели...

За это время Людмила познакомилась со всей прислугой, знала, кого как звать, и кто за что отвечает. Ее новая подруга Елена очень помогала ей в этом знакомстве. Большую часть дневного времени занимала работа по дому. От тяжелого монотонного труда и плохой еды Людмила немного похудела. Осунулось ее красивое лицо, под глазами появились темные круги, вызванные плохим, но тяжелым сном. По ночам она стонала от боли. Разламывалась спина, руки и колени... Да, особенно болели колени. Их Людмила почти стерла в кровь – Капитолина заставила ее натирать руками паркет в длинных коридорах особняка.

С помощью Елены ей удалось отстирать и привести в порядок колючие и тяжелые платья Капитолины. В две руки, вечерами, девушки быстро управились с ушивкой. Накрахмалили и отбелили передники. Теперь эти платья сидели на ней как влитые, подчеркивая стройный стан и плавные изгибы безупречной фигуры. Под низ она надевала нательную рубашку с длинными рукавами и высоким воротом, чтобы колючая ткань меньше терла ее нежное тело.

Людмилу осмотрел и доктор. Правда, для осмотра он поднялся к ней в комнату и заставил ее обнажиться прямо на кровати. Кроме этого он зачем-то потрогал ей груди, помял живот, заставил открыть рот и пересчитал зубы. После он все записал в карточку. Задал ей несколько вопросов, от которых Людмила снова покраснела. Как ни странно, этот визит не вызвал в ее душе той бури негодования, которую вызвал тот, вечерний осмотр ушлой Капитолины. Может, она стала привыкать к общей бесцеремонности обращения с ней в доме графа Краевского. Может, стала принимать сие за неприятную, но необходимую процедуру. А может, оттого, что сам доктор был мелок, плешив и немолод. И потом он оперировал лишь медицинскими терминами, в отличие от тех, что к великому стыду, она услышала тогда из уст противной Капитолины.

Людмила уставала так, что у нее не было сил осмыслить свое новое положение. Порою ей казалось, что она уснула и видит какой-то больной, изнуряющий и затянувшийся сон. Что стоит только захотеть, и она скинет оковы этого бессмысленного кошмара.

Графа она видела лишь несколько раз. В присутствии супруги он вообще не смотрел в ее сторону, или делал вид, что вместо Людочки находится пустая стена или мебель. Когда рядом оказывалась Капитолина или кто-то иной из наемных работников, в его глазах сквозило презрение, либо нарочитая строгость. Людочка боялась его и терялась всякий раз, как он случайно оказывался даже на горизонте. Каким странным казалось ей воспоминание об их первом знакомстве, в стенах гимназии. Каким он помнился веселым и любезным. И как он изменился сейчас.

«Господи, эти тряпки, вонь, крики, грязный пол, жирная посуда, чудовищная усталость, от которой даже постыдный и наглый осмотр старшей горничной воспринимается не как нечто ужасное, а словно заурядная и привычная данность, данность в череде постоянных унижений – неужели это и есть моя судьба? – с горечью думала Людочка, и по ее щекам текли слезы. – Я так и состарюсь возле этого пола или чана с грязным бельем».

Однажды Краевский выглянул в коридор из своего кабинета, когда Людмила, стоя на коленях, натирала в холле мастикой ненавистный паркет. Он был одет в роскошный англий-

ский сюртук, красиво причесан, курил сигару, и от него головокружительно пахло замечательным французским одеколоном. Ей показалось, что в его лице проскользнуло выражение легкого смущения, а после и явного удовлетворения, когда он увидел преклоненный зад Людмилы. Она жутко покраснела, сдунула прядь волос с мокрого от пота лица. И застыла от мыслей об унизости той позы, в которой застал ее граф, и от своего чуть растрепанного вида, и от ужасного, как ей казалось, форменного платья. Через несколько минут к нему в комнату зашла Капитолина.

«Наверное, он позвонил ей в колокольчик, вот она и пришла так быстро», – подумала Людмила.

Граф нарочно не стал закрывать двери, и Людмила оказалась нечаянной свидетельницей его разговора со старшей горничной.

– Капитолина Ивановна, я вас, голубушка, вот зачем позвал. Новая горничная, Людмила Петрова, поступившая к нам совсем недавно, окончила женские гимназические курсы. Именно оттуда я и пригласил ее в наш дом, – медленно, с расстановкой произнес он.

– Анатолий Александрович, я вся во внимании.

– Капитолина Ивановна, дорогая, ну что же сия мадемуазель делает у нас на коленях, в холле?

– Она натирает пол, – спокойно ответствовала Капитолина.

– Я вижу, любезная, что мадемуазель натирает пол... Именно за этим я и пригласил вас к себе, – Людмиле показалось, что в его голосе звучала неприкрытая ирония.

– А вы, сударь, что прикажете ей делать? – также нагло, не смущаясь, парировала старшая горничная.

– Ну-с, надо бы подумать, – медленно произнес он. – Разве у нас нет работы чуть легче и чище?

– Возможно, что есть... Но отчего я должна давать этой мадемуазели какие-то преференции по сравнению с другими девушками, служащими в нашем доме?

– Капитолина Ивановна, а если мы допустим такое объяснение, что ваш хозяин самостоятельно просит вас о смягчении нагрузки для горничной Петровой?

– Ну, коли вы распорядитесь лично, то, как я посмею отказать вам, граф?

– Ну, вот и договорились.

Людмила почти не дышала, пока слушала весь этот неожиданный разговор. Она будто впервые проснулась от тяжелой спячки. Ее сердце радостно забило: он просит за меня, он спасает меня от этой старой жабы – значит, я ему не безразлична. И только на секунду ее посетило странное чувство. Ей показалось, что этот разговор Краевского с Капитолиной похож на хорошо разыгранный спектакль. Но она тут же отмахнулась от этой глупой мысли.

Капитолина Ивановна исполнила просьбу графа и стала чуть меньше загружать Людмилу тяжелой работой. Но утюжка, штопка, чистка серебра, вытирание пыли осталось за ней. Еще, к огромной радости Людмилы, ей разрешили помогать садовнику. С каким наслаждением девушка снова вдыхала чистый воздух и радовалась летнему солнышку. Она вдохновенно и без усталости полола клумбы от сорняков, трогая руками лепестки благоухающих цветов. Ей хотелось, чтобы и садовник и сама Капитолина были довольны ее работой. Душные коридоры, влажная портомойня с вечным запахом шелока и человеческого пота, раскаленные утюги и весь хозяйственный флигель казались адом, по сравнению с тем счастьем, которое ощущало ее сердце в саду. Надобно сказать, что в сад она выходила лишь рано утром, когда графиня и ее дочери спали или завтракали. Ей все также запрещалось показываться на глаза хозяйке. Да она и не стремилась к этому.

Однажды рано утром, когда она шла поливать и полоть клумбы, распахнулось окно на первом этаже. Оттуда пошел дым сигары. Граф отодвинул рукой шелковую портьеру и ласково

улыбнулся Людмиле. Она вся зарделась от счастья. Его глаза выражали нечто большее, чем простую симпатию. А может, ей это помстилось?

Семья Краевских готовилась к переезду в фамильное имение. Перед самым отъездом Капитолина разделила всех работников. Большая их часть поехала вместе с семьей графа, в деревню. В городе осталась Людмила, хромая Елена, рыжая Нина и трое мужчин – дворник, кухонный рабочий и посыльный.

– На тебе остается прополка всех клумб. Поливать будете с дворником. Смотри, чтобы он не залил фиалки и другие цветы. И не пересушите... Садовник едет с нами. В деревне ему работы – непочатый край. А тебя раз приладили к цветам, так ходи за ними пока...

– Хорошо, мадам, – радостно отозвалась Людмила.

– Чего ты радуешься, дурочка?

– Да так... просто... Цветы очень люблю. Особенно – фиалки.

– Что, давно полы не терла и сажу не возила? Учти, слушайся теперь Нину. Она здесь за старшую остается. Что поручит, то и исполняй. Работы вам хватит. Там еще, в июле, побелка будет на втором этаже, в детской, грязь потом отмоете. Приедем мы только в октябре. В то время хозяйка рожать должна... Рожает она обычно в городе. Николай Степанович будет у вас наездами. Ну, все... И смотри у меня!

Длинным обозом, навьюченным важами, коробками и узлами, семейство Краевских двинулось в путь. Оставшаяся прислуга высыпала на улицу провожать. Все долго махали платочками, пока кареты не скрылись из виду. Людмиле отчего-то стало немножечко грустно: она не увидит Анатолия Александровича больше четырех месяцев.

Но вышло все иначе, чем думала Людмила.

* * *

Июньским теплым вечером, в фамильном имении Краевских, когда графиня сидела в своей комнате и что-то вязала, а горничная читала вслух Библию, к ней стремительно зашел супруг Анатолий. Между графиней и графом состоялся следующий разговор:

– Ma chère, я вовсе не хотел тебя расстраивать, но... мне придется на время покинуть вас.

– Что случилось? – Руфина отложила вязание. Её маленькие, подслеповатые глаза уставились на мужа.

– Представляешь, от помощника губернского предводителя мне прислали письмо с нарочным, – молвил Краевский расстроенным голосом.

– Но я не слышала лошадей. Когда?

– Я взял письмо и уже отпустил его.

– Что за письмо? Покажите...

– Да, это было собственно не письмо, а записка. Она осталась там, на столе. Сейчас я тебе ее покажу.

Краевский сделал решительный шаг по направлению к двери, но остановился.

– Мой бог, Руфочка, я ведь её нечаянно сжег... Бросил сдуру в камин. Я тут разбирал свои бумаги, жег старые, – пояснил Анатолий, глядя на супругу невинным взором. – Я шляпа. Я и записку сжег вместе со всем ворохом... Вот черт!

– Не чертыхайтесь, безбожник. Вы опять мне лжете!

– Руфина, послушай себя сама. Послушай со стороны. Ну, что ты говоришь? Как я, отец семейства, могу лгать тебе и своим детям? – серые глаза Краевского увлажнились. – Мне невыносимо обидно. Обидно, что за подобный пустяк ты подвергаешь меня неверию и подозреваешь... В чем? В гнуснейшем пороке – во лжи!

Графиня молчала, плотно сжав губы. Правую сторону её щеки охватил нервный тик.

– Ты же обещал быть с нами все лето...

– Обещал, конечно, обещал. Я мечтал об этом, поверь. Но так сложились обстоятельства. Я должен подготовить документы к открытию сиротского приюта. Сроки поджимают, Руфина. Надо набрать попечительский совет, рассмотреть кандидатуры педагогов. Там планируют открыть ремесленное училище, при приюте. И на всё про всё у нас лишь три месяца.

В этот вечер Краевский еще долго уговаривал свою супругу. Он, как всегда, объяснялся убедительно и красноречиво. Она в ответ плакала, укоряла его в неверности. Он уверял ее в обратном. Молил о пощаде. Приводил в доказательство важные аргументы, называл всем известные дворянские фамилии. И даже рассказал пару сплетен из кулуаров Земского собрания. Сделав пояснение, что может лишиться карьеры и общественной должности, если не выполнит свой служебный и государственный долг.

– Так что, дорогая моя Руфина, сейчас без почетного положения в обществе даже с деньгами можно остаться за «бортом». А при этом ни одно, уважающее себя семейство, более не пригласит нас к себе в дом. Быть богатым парвеню⁸ модно, но не почетно. Связи, дорогая моя, почетные обязанности члена Губернской земской управы и, конечно, титул – делают из меня того гражданина и мужа, каким ты нынче можешь гордиться. И дай бог, чтобы и наши дети точно так, как и ты, могли еще долго гордиться своим отцом! А для этого, дорогая, надо работать. Работать, не покладая рук! – этой важной тирадой он разразился в довершении всей хитроумной басни. И даже сам поразился тому, насколько ему удалось выглядеть убедительным. Он посмотрел на свое отражение в зеркале, висевшем в комнате супруги, погладил модную бородку и остался вполне доволен собой.

Наутро экипаж уже вез его в город.

Надо ли говорить о том, что никаких записок от помощника губернского предводителя Краевский в тот день не получал. Да, он состоял на службе, но служба эта имела такой необременительный характер, что лучше и выдумать невозможно, если у тебя есть состояние, и ты не нуждаешься в деньгах. Службу Краевский посещал крайне редко. Его, словно свадебного генерала, посылали в основном на торжественные мероприятия, выпускные экзамены, губернские совещания и не более. В любую минуту он мог отказаться и от этой нагрузки.

Мог, но не хотел. Служба в отделе образования Губернской земской управы служила для него тем прикрытием, которым он пользовался регулярно для обмана своей нелюбимой супруги.

Куда же так спешил господин Краевский? Куда он бежал от собственного семейства? О, цель побега сводила его с ума все последние недели. Она не давала ему покоя ни жарким днем, ни маятными июньскими ночами. Мерзавцы-соловьи довершали сие жуткое безобразие, внося в душу смятение и неубывающую тоску. Эту тоску он не мог умалить ни вином, ни карточной игрой, ни чтением книг. Его сердце разрывалось от... любви.

Он увидел ЕЁ впервые на выпускном экзамене, в гимназии. Краевский скучающим взором рассматривал поток зрелых и не очень выпускниц. Несколько гимназисток были вполне недурны собой, а в остальном это были обычные серые мышки, на статях и ликах которых, не мог зацепиться его скучающий и капризный взор.

И вдруг вошла ОНА! Её звали Людочкой Петровой. Да, вот так просто и незатейливо – Людмилой Петровой. О, боги! Про себя он сразу окрестил ее Милочкой. Он почти не слушал, на какой вопрос отвечала эта потрясающе красивая девушка. Ее нежное лицо, пленительная улыбка небольших полных губ, блеск жемчужных зубов, карие глаза со стрелами длинных ресниц, тонкая шейка, высокая грудь, осиная талия и движения – легкие движения, похожие на движения грациозной лани. О, как волнительно она смущалась, как алели ее матовые щечки... Ему казалось, что он где-то ее уже встречал. Казалось, что он был с ней знаком. Казалось, что

⁸ Парвеню – от франц. *parvenu* – добившийся успеха, разбогатевший; выскочка – человек незнатного происхождения, добившийся доступа в аристократическую среду и подражающий аристократам в своем поведении, манерах; выскочка.

знает ее уйму времени. Но где? Откуда? Он совершенно не мог этого вспомнить. Он, словно бы узнал ее, но память отказывалась подсказать детали и обстоятельства их прежней встречи.

«Может, я видел ее во сне? Как сказал поэт, как мимолетное видение? Бог мой, что со мной?» – пытался рассуждать Краевский.

Увидев ее, он потерял всякий покой. Он уехал из дома в трактир и пригласил к себе в номер сначала одну даму вольного поведения, потом сразу двух. Он хотел избавиться от жестокого наваждения. Но все было напрасно. Своим бурным темпераментом и склонностью к плотским изыскам он измучил вконец всех трех дам, но так и не насытил ни свою извращенную плоть, ни пытливый и страждущий дух. Ему была нужна ОНА.

Потом он долго курил и думал о том, как заполучить себе в любовницы именно Людочку. Да, мог ли он сделать это? Разыскать ее в отеческом доме, объяснить и дать ей содержание? Нет, подобные действия бы привели к ужасному скандалу. Девушка была юна и невинна. Ей надо было выходить замуж. Он мог быть жестоко разоблачен. Но что было делать? Эта мысль не давала Краевскому ни малейшего покоя. Он снова и снова пил вино, курил сигару за сигарой и много мечтал о ней. Его бурное воображение, обогащенное свободной философией и литературой в стиле Рабле, Бальзака и Мопассана, а также взбудораженное скандальными и запрещенными романами Маркиза де Сада, подкидывало ему невыносимые по своему накалу и совсем непристойные картины. Он сам не знал, чего ему хотелось более – защищать и лелеять это нежное создание или жестоко развратить её...

Ни одна женщина доселе не вызывала в нем такую неистовую бурю похоти и вместе с тем трепетной, почти отеческой нежности. Он хотел мучить ее и ласкать, ласкать и мучить. Владеть ею полностью и без остатка. И любить... любить... Любовь заполнила собою все пространство. Весь его мир.

Когда он вернулся из трактира, то был практически болен. Супруга, находящаяся в положении, прогнала его из своей спальни, дабы он не заразил ее непонятной инфлюэнцей. Был вызван доктор, который, к слову сказать, выписал Анатолю лишь успокоительное и уехал. Но Анатоля не могли успокоить ни гофманские капли, ни валериана. Он раздумывал о том, как увидиться с этой юной цирцеей, навсегда покорившей его сердце.

Он не придумал ничего лучше, как отправиться туда, где он впервые ее увидел. Да, он поехал на аудиенцию к директрисе этой гимназии, в которой всюю шли летние каникулы. Как ему показалось, Мария Германовна была чуточку удивлена его неожиданным визитом, но все же с удовольствием приняла его в своем кабинете. Меж пространственными разговорами о воспитательном и учебном процессе, вопросах об прошедших экзаменах и нуждах гимназии, Анатолий Александрович аккуратно выведальничал и то, что его Людочка небогата, а вернее, совсем бедна, и проживает с одной лишь матушкой. Он щедро расхваливал директрису, сумевшую воспитать таких славных выпускниц... И вдруг в его голову пришла совершенно простая и гениальная, на первый взгляд, идея – предложить девушке работу в собственном доме.

Когда все было слажено простым и необременительным способом, его радости не было предела. Неужели он смог так ловко обвести всех вокруг пальца и завлечь ее в собственное логово? Он даже дрожал от осознания того, что птичка так легко впорхнула в расставленные сети. Его радость омрачала лишь ревность несносной Руфины. Как сможет он объяснить ей столь наглый и странный поступок? Привести в дом в качестве горничной такую немислимую красавицу. Он решил: будь что будет, а там поглядим. Мне нужны твердость и спокойствие, иначе меня разоблачат.

«До поры до времени мне нельзя никаким намеком, никаким действием выдать свои истинные цели. Только строгость и ничего более. Никаких предпочтений...»

Он вызвал к себе старшую горничную Капитолину Ивановну и решительным тоном приказал ей загрузить новую горничную таким количеством работы, чтобы она падала от усталости.

– Никаких поблажек! – произносил Анатолий с плохо скрываемым сладострастием в голосе.

Капитолина понимала его с полуслова...

Супруга тоже зорко следила за тем, как загружена ненавистная ей девица, которую ее ветреный супруг осмелился привезти в дом без её личного на то согласия. Обычно Руфина сама занималась подбором прислуги. За исключением двух старых горничных, Капитолины и Марии, проживающих в имении давно и постоянно, молодые особы ротировались довольно часто. И каждая, вновь прибывшая горничная, могла посоревноваться с предыдущей в своей немилостивости или откровенном уродстве.

Анатолий иногда подсматривал за Людочкой, холодея от жуткого вожделения. Он видел, что девушка измучена непривычным объемом тяжелой и непосильной для нее работы. Он видел, как прямо на глазах она бледнела и худела. Эти метаморфозы вызывали в нем острые приступы жалости и... странное желание сделать ей еще большее, увидеть ее полное унижение. А когда он узнал о том, что ее, как и всех, подвергли унижительному осмотру, он долго онанировал, не в силах сдержать в себе пароксизма похоти, завладевшего его душой.

И вот он ехал к ней... Ему самому не верилось, что он, наконец, сумел вырваться из назойливого и душного «протектората» супруги.

Анатолий раздумывал над тем, как впервые возьмет ее за руку, как сожмет до хруста тонкий стан, как поцелует ее чистые и влажные губы... как. О, далее он думать не мог.

Когда карета подкатила к дому, стояло ранее утро. Он встретил ее на дорожке сада. Она шла неспешной походкой и напевала про себя какую-то незамысловатую песенку. Людмила казалась сонной и, верно, еще теплой от недавнего сна. Свежее утро не до конца выветрило сладкую негу в ее мягких движениях и затуманенном взоре. Тонкие пальчики сжимали пустую корзину.

Анатолий вышел на дорожку.

– Доброе утро, Мила!

Она вскрикнула от неожиданности и выронила корзинку. Граф подошел вплотную. Он поднял корзину и протянул ей.

– Не бойся меня, милая... Мила...

Она растерянно смотрела на его красивое лицо и на глазах заливалась румянцем.

– Анатолий Александрович, вы... как здесь оказались?

– Я приехал к тебе...

– Но как?

– А вот так...

Он решительно притянул ее к себе, сильно сжал в объятиях и впился губами в полураскрытый рот. Какое это было блаженство! Когда он отстранился, чтобы глотнуть воздуха, то увидел, что Людочка неестественно бледна, а карие её глазницы закрыты. Она вся обмякла, пошатнулась и свалилась в обморок. Он едва успел подхватить ее на руки. Озираясь по сторонам, Анатолий понес ее по аллее, к главному входу.

«В случае чего, скажу, что горничной стало плохо, – мелькнуло в его голове. – Черт! Почему я вообще кому-то что-то должен объяснять?»

Промелькнули две аллеи, клумба с фонтаном. И вот, наконец, центральный вход.

«Слава богу, никого», – с облегчением констатировал он.

Анатолий вбежал на центральную лестницу и понес ее к своему кабинету. К счастью, почти весь дом еще спал. Эту сцену наблюдал лишь невидимый из-за кустов дворник Степан. Он

усмехнулся про себя: «Вон оно как... Ну, оно дело молодое. На то они и господа. А только я буду помалкивать от греха подальше».

Граф даже не заметил тяжести ее стройного тела. Он положил девушку на широкий и мягкий диван. Одеревеневшие от волнения пальцы путались в плотной застежке ее лифа.

«Господи, ну кто пришел столько пуговиц? – с досадой думал он, зацепившись ногтем за крючок. – Это не платье, а колючий панцирь. Как она его только носит?»

И вот, наконец, были расстегнуты все пуговицы, развязаны тесемки нижней сорочки. Он широко, почти до живота распахнул ее ворот.

«Она даже не носит корсет, – между делом подметил он. – Её стан так тонок... Господи, а кожа...»

Заголились матовые плечи и начало нежных полушарий двух очень плотных, по-девичьи тугих грудей. Он схватил графин с чистой водой и, намочив батистовый платок, приложил его к бледному лбу Людмилы. Плюхнулся рядом и жадными глотками выпил остаток воды. Она открыла глаза.

– Анатолий Александрович, простите, я упала, кажется. Что со мной? Где я?

Затуманенный взор с каждой секундой становился все осмысленней. Она подняла голову, взгляд карих глаз пробежал по стене кабинета, скользнул по бархату тяжелой портьеры. Она приподнялась.

– Анатолий Александрович, что это? Мне нельзя... Мне нельзя здесь находиться. Меня накажет Капитолина Ивановна. Это же ваши покои? А где Руфина Леопольдовна? – Она вздрогнула, правая рука коснулась свободной от воротника шеи, опустилась ниже. – О, боже! Я не одета. Что со мной? – внезапно нахлынувшая слабость снова накрыла ее пеленой обморока.

– Господи, Мила! Ну что ты! Успокойся, здесь никого нет, кроме меня! – он тряс ее за плечи.

Опустился на колени и принялся целовать ее руки, запястья. Они пахли травой и чем-то неуловимо-нежным. Почти девчоночьим. Так пахли ручки его маленьких дочерей. Анатолий поднялся с колен и присел рядом. Он наклонился к ее груди – горячие, томные поцелуи коснулись упругой кожи. Она вздрогнула. Губы захватили нежный сосок. Он тут же почувствовал, как эта расслабленная, чуть солоноватая припухлость сначала уплотнилась, а после почти одеревенела от его касания. Сосок выпрямился и стал очень твердым. Она застонала.

– Не бойся, здесь никого нет! – горячечно шептал он, наклоняясь к её маленьким ушам и щекоча усами. – Мы совсем одни... Никто не придет. Никто не помешает. Очнись, любимая... Девочка моя, моя маленькая, нежная девочка. Господи, я негодаю... Как тебя здесь измучили...

Она снова очнулась. Распахнутые глазищи уставились на его темную, склоненную к груди голову.

– Анатолий Александрович, что вы делаете?! – вдруг возмущенно зашептала она. – Зачем вы меня там трогаете?

– Наконец-то ты очнулась. Как ты меня напугала своим обмороком.

Он отпрянул от её груди и выпрямился.

– Ты полежи. Сейчас я прикажу принести чаю, пирожных, икры. Или мадеры? Что ты хочешь? Скажи! Ты вся исхудала...

– Анатолий Александрович, мне нельзя у вас кушать. Мне нельзя здесь быть. Отпустите меня, пожалуйста, – также тихо, но горячо и убедительно прошептала она. – Меня убьют...

– Не говори глупостей. Пока я здесь хозяин, и тебя никто не тронет. Слышишь? Ты слышишь меня?

– Но Руфина Леопольдовна, ваша жена, она...

– Не говори о ней сейчас. Её здесь нет... Она далеко, в деревне. Её здесь долго не будет. Мы здесь одни... Одни... Руфина никогда не ездит сюда без меня. Никогда! Её не будет до самой осени. И слуги и она – все там, в деревне. До осени!

- Но как же? В доме есть другие... Горничные, дворник и...
- Я улажу этот вопрос. Успокойся, милая.
- Можно, я пойду? – она снова села. – Мне надо две клумбы полить и траву прополоть.
- Оставь в покое свои клумбы, – уже решительнее произнес он. – Ты никуда не пойдешь.

Слышишь? Я приказываю тебе оставаться здесь. Вот если ты не будешь меня слушаться, тогда я тебя накажу...

Ее лицо скривилось в жалкой гримасе. Она шмыгнула носом и вдруг совершенно неожиданно расплакалась.

– О боже, мадемуазель, вы еще совсем ребенок.

Он вдруг осознал всю степень неискренности этой семнадцатилетней девушки.

«Болван, что я хотел от вчерашней гимназистки? В ней нет и тени женского кокетства или лукавого притворства. Она вся, словно чистый лист бумаги. Глупенькая и наивная девочка. Но, черт побери, от этого я хочу ее еще сильнее...»

Его частые адюльтеры были столь разнообразны, что он вполне мог называть себя знатоком не только женских прелестей, знатоком и избалованным гурманом, но и исследователем женских душ, характеров и типажей. Довольно часто он обращался к услугам проституток. Старался сходить лишь с молодыми и здоровыми особами из дорогих публичных домов. Он неоднократно имел отношения и с более юными жрицами любви – моложе Людочки... Но даже у совсем нежных представительниц этого племени он читал в лице женское кокетство, наигранную томность взгляда, а иногда и откровенный расчет. Возможно, что души тех девушек, испорченных средой, в которой они обитали, и не могли быть иными... Сейчас же перед ним сидела совсем иная женщина. Иной душевной организации. По сравнению с ними, она была ангельски чиста и наивна.

Людмила плакала так горько и безутешно, всхлипывая протяжно и жалобно, что он не знал, как и чем её успокоить. Он только гладил ее по голове, повторяя: «Глупая, я же тебя люблю...» Плач прекратился столь же внезапно, как и начался – словно нежданный летний дождь оросил зеленый луг и укатился дальше, в темный лес.

– Итак, я на правах господина повелеваю тебе оставаться сегодня здесь.

– Это совершенно невозможно. Меня потеряют. Там Елена, Нина, дворник и другие... Что они скажут?

– А что они скажут, нас не должно теперь волновать. Если я захочу, то завтра же рассчитаю всех и прогоню с глаз долой.

– Нет, не надо. Леночка очень хорошая и добрая. Ей надо помогать семье...

– Успокойся, Леночку я не стану прогонять. А ты, оказывается, у нас и филантропка...

Впрочем, чему я удивляюсь, – усмехнулся он. – Да я вообще никого не собираюсь прогонять, – убедительно произнес он. – Я лишь закрою всем им рты.

– Но как?

– Для горничной ты слишком любопытна.

Она отодвинулась и густо покраснела. Ладонки обхватили русую голову. Людмила покачалась из стороны в сторону и озабоченно закусила нижнюю губу. Потом, будто спохватившись, она дотронулась до распахнутого ворота. Ойкнула и принялась лихорадочно застегивать пуговицы.

– Не спеши...

– Нет, я ухожу. Простите меня, Анатолий Александрович, но.

Он не стал ее слушать. Он навалился всем телом и снова принялся ее целовать. Целовал ее щеки, глаза, шею. Снова добрался до губ.

– Боже, какая ты вкусная... Только не убегай. Я умоляю... Я умру без тебя.

– Но, вы же женаты... – горячо шептала она, чуть отстраняясь от его рук и губ.

– А что мне делать, если я влюблен в тебя безумно? – также шепотом оправдывался он. – Я полюбил тебя с первого мгновения, когда ты читала Лермонтова.

– Я читала Пушкина, отрывок из «Евгения Онегина».

– Вот, я как Онегин, влюблен в тебя...

Она слабо сопротивлялась его поцелуям. В голове был туман. Никто и никогда еще в этой жизни не касался ее губ, шеи, груди. Ни одного мужчину она не видела столь близко. Ей было горячо и страшно от его поцелуев, но вместе с тем томительно хорошо... Внутри нее, в самом низу живота, рос какой-то огненный шар, заставляющий слабеть и закрывать глаза. Он ласкал языком ее губы, перехватывал дыхание. Сильные руки сжимали тугие груди.

– Какие они у тебя... Большие...

– Анатолий Александрович, не надо...

– Молчи... Ты моя.

Ему пришлось на время разжать объятия.

– Сейчас я принесу нам завтрак. Что-нибудь поесть и выпить. А ты... Ты сиди здесь и не смей никуда уходить. Я скоро вернусь. Сиди тихо, как мышь. Чтобы ты не убежала, я закрою тебя на ключ. Не скучай. Почитай что-нибудь из моей библиотеки.

Она привсталала и проводила его долгим взглядом, пока он не скрылся за дверью.

«Господи, что же мне теперь делать? Надо бы посоветоваться с Еленой.

Но как? Он запер меня. Что теперь будет? Но как он красив... И как вкусно от него пахнет. Этот аромат сводит меня с ума. Боже, неужели я тоже его люблю?»

Людмила еще долго разговаривала сама с собой, несвязанно шепча какие-то монологи. Ходила по кабинету. Руки нервно теребили косу. Подходила к высокой двери, пыталась ее толкать. Но тщетно... Она подошла к окну и тихонечко отодвинула портьеру. Она увидела, как Анатолий Александрович быстрыми шагами шел мимо клумб, по направлению к выходу, в сторону улицы. Его высокая фигура мелькнула за зеленью деревьев и пропала...

«Я пропала... – лихорадочно думала она. – Куда он поехал? Вдруг он вернется с супругой? Как мне сбежать отсюда? Может, в окно? Нет, здесь высоко – я могу зацепиться платьем. И вдруг меня увидят. Нет, будь что будет, но я дождусь графа и объяснюсь с ним. Я не должна...»

Оставим нашу юную героиню наедине с ее душевными терзаниями. Поверьте, это были лишь первые, по-настоящему серьезные рассуждения Людмилы, но, увы, далеко не последние. Оставим Людочку и проследим за графом Краевским.

Покинув кабинет, граф направился напрямиком к кухне. Там он увидел рыжеволосую, тучную Нину, которая варила какую-то кашу на плите. Та от удивления уронила половник.

– Анатолий Александрович, вы вернулись? А Руфина Леопольдовна?

– Нет, я здесь один, по делам, – сухо произнес он и вышел.

Краевский понял, что прислуга была не готова к появлению господ, и глупо было бы ждать приготовления хорошего завтрака, а равно и обеда. Он взял извозчика и поехал в ресторан своего старого знакомого, купца, дослужившегося до дворянского титула, Ерофея Козлова. Он заказал у Козлова приличный завтрак, взял две бутылки темной мадеры, фруктов. Щедро расплатился, уловив понимающий и поощрительный взгляд владельца ресторана, который взялся обслужить графа лично. Анатолий немного подумал и распорядился привезти ему к пяти часам и обед на две персоны. По дороге Краевский заехал в цветочный салон и купил роскошный букет белых роз.

«Надо бы купить ей новое платье, ее форменное похоже на панцирь, – вознамерился он. – Ладно, чуть позже. Она, бедняжка, наверно, заждалась меня. А уж, как соскучился я. Я не могу без нее ни минуты. Похоже, я сошел с ума».

Щелкнул замок, дверь отворилась. Он вошел в кабинет. Она сидела на краешке дивана. Её платье снова было застёгнуто на все пуговицы. Перед ней лежала раскрытая книга. Он узнал ее по обложке. Это было редкое, лондонское издание «Золотого осла» Апулея. Расширенными глазами она рассматривала в нем картинки.

– Отличный выбор, – рассмеялся граф. – Как быстро ты находишь нужные книги. Если хочешь, я потом тебе переведу отрывки. Или дам перевод Кострова. Об Апулее писал твой любимый Пушкин. Ты разве не помнишь?

– Помню, кажется... – она решительно захлопнула книгу. – Похоже, здесь много непристойностей.

– Милая, да без непристойностей наша жизнь была бы скучна и пуста, как каша без масла и соли, как обед без хорошего вина. Ты еще очень неопытна. Я только мечтаю открыть в тебе чувственность. Потому, что полюбил тебя. – Краевский подошел к книжному стеллажу и провел рукой по корешкам роскошных фолиантов. Он гордился своим собранием книг и считал себя начитанным и довольно образованным человеком. – Ты знаешь, чуть позже я покажу тебе другие интересные книги и картинки. Они у меня лежат не здесь, они в сейфе. Это – рисунки для взрослых. Ты ведь уже взрослая девушка?

– Я взрослая и потому, Ваше Сиятельство, Анатолий Александрович, именно свое пребывание здесь, я нахожу непристойным, – она решительно направилась к двери.

– Если ты уйдешь, я тут же рассчитаю тебя. И потом, я не дам тебе рекомендации, – он глянул на нее исподлобья.

– Как вам будет угодно, граф, – вспыхнула Людмила.

– Господи, что я несу... – он снова упал на колени и обхватил ее ноги. – Прости меня, Мила, от любви помутился мой разум. Я несу, что ни попадя. Я не то хотел сказать. Не это главное. Ты можешь уйти в любую минуту, ибо не раба ты мне и не крепостная. Но знай, что ты разобьешь мне сердце. И я умру от тоски. Или застрелюсь. Я обещаю, что непременно застрелюсь. Ибо, жизнь без тебя, подобна муке...

Он понимал, что то, что он сейчас говорил, выглядело слишком очевидным и глупым шантажом, тем шантажом, на который бы не повелась ни одна более или менее опытная дама. Ни одна, кроме наивной Людочки. Он успел изучить ее мягкий характер, а потому плел эту несусветную и наглую околесицу, в которой сам себе казался искренним и органичным. Да он и чувствовал так! А потому верил сам и заставлял поверить её. В его серых глазах мелькнули слезы.

– Но, Анатолий Александрович, вы же женаты, – в какой раз твердила она очевидное.

– Я женат. Увы. И женитьба моя состоялась не по моей воле. Я не люблю свою жену. Ты не можешь этого не чувствовать. Любить эту женщину... Это, это... даже смешно, – он закусил кулак и зло рассмеялся.

– О, не говорите так. Это нехорошо. У вас же дети...

– Мила, пожалей меня. Будь снисходительна. Я умоляю. Жизнь наша так коротка, чтобы пренебрегать священным даром, называемым любовью.

Она остановилась. Её душой овладело сильное смятение.

«А может, он прав? Если я уйду, то кому из нас станет хуже. Я ведь тоже... теперь не смогу без него».

– А она, ваша жена и Капитолина Ивановна, и все они, они точно о нас не узнают?

– Ни одна душа...

Она вернулась и села на край дивана.

– Господи, Мила, я же принес нам завтрак. И цветы...

Он открыл красивые коробки с вкусно пахнущей едой и достал из шуршащей упаковки роскошный букет белых роз.

– Это мне? – не веря своим глазам, произнесла Людмила.

– Конечно тебе, любимая!

Как и все женщины, Людочка уткнула свой маленький носик в середину букета и закрыла глаза.

– Они тебе нравятся?

– Очень... Я обожаю цветы.

– Я буду тебе их дарить каждый день, – вдохновенно обещал он.

Да, граф умел ухаживать за женщинами. Он был известный виртуоз в деле соблазнения женских душ. И потому, такая юная, мечтательная и наивная особа, какой была Людочка, не могла не очароваться этим опытным ловеласом. После цветов Людмила уже и не помышляла о бегстве. О чем она думала? Да, ни о чем. Она жила счастьем, которое ей принесла внезапная и пылкая любовь графа. И пила это счастье большими и жадными глотками.

Сначала они завтракали. Краевский сам заварил турецкий кофе и разлил его по фарфоровым чашечкам. Он сам намазал свежайшее вологодское масло и черную икру на белые и хрустящие ломтики французского батона. Разложил на тарелке тонкие лепестки Пармской ветчины и швейцарского сыра, крупные яйца. От запахов еды у Людочки вновь закружилась голова. Он подносил все эти деликатесы к её рту, она, смущаясь, кусала. О, как давно, она не ела чего-то вкусного. Чуть позже, словно фокусник, он достал бонбоньерку с шоколадными конфетами и коробочку фисташковых пирожных.

– А мороженое ты любишь?

– Очень...

– Я буду тебе его покупать. И фрукты, ешь фрукты... Смотри, какие свежие персики. Они заморские... Их привезли на пароходе из страны... Ах, впрочем, я забыл узнать у ресторатора из какой страны эти персики, инжир и виноград, – рассмеялся он, сверкнув белыми, влажными зубами.

– Анатолий Александрович, можно я просто посижу? Я... я не могу пока глотать. Мне много. Я плохо ела эти дни, а теперь... словом, я не могу более.

– Но, ты же ничего не съела... Господи, тебя здесь плохо кормили?

– Я привыкла.

Он сжал ее талию. И снова поцеловал в губы.

– Тогда мы выпьем мадеры. А вечером я принесу свой коллекционный коньяк.

Он подал ей бокал темной «крановской» мадеры, напоенной ароматом моря и виноградной лозы.

– Мила, испей этого вина. Его называют «дважды рожденным солнцем». Оно доставлено с далекого и лесистого острова Мадейра, омываемого холодными водами Атлантического океана. Там очень солнечно и тепло. И там растет волшебная лоза, из которой получается этот божественный напиток, – говорил он проникновенным голосом, а ей казалось, что он рассказывает какую-то сказку.

Она сделала несколько глотков. Вино показалось терпким и вкусным.

– Пей еще, моя любовь, – говорил он, глядя на нее внимательным и зорким взором.

Его волновала ее реакция на вкус, мельчайшие полутона мыслей и чувств, которые она не умела скрыть. Спустя короткое время взор карих глаз стал бессмысленным. Она внезапно опьянела и смущенно улыбалась, глядя на него. Теперь ее взгляд стал смелее. Она снова захотела встать, чтобы посмотреть его книги, но отчего-то неловко рассмеялась. Её повело в сторону. Русая голова уткнулась в турецкую подушку, лежащую у подлокотника плюшевого дивана. Когда он приблизился к ней, она уже крепко спала...

– Поспи, моя любовь. Поспи. Тебе надо чуточку отдохнуть.

Он снял с нее поношенные туфельки, стараясь не смотреть на бежевые шелковые чулки. Они были заштопаны. А после он приподнял ее ноги и положил на диван. Легкое покрывало легло сверху.

«Надо все это немедленно заменить. И платье, и чулки... все...», – наш Анатолий был тонким эстетом.

Пока Людмила, очарованная каплями Бахуса и околдованная чарами Морфея, погрузилась в глубокий молодой сон, наш Дон Жуан решил уладить кое-какие мелочи. Он снова запер свой кабинет и спустился в хозяйственный флигель. Сначала он распорядился нагреть огромный котел, и приготовить в одной из гостевых спален ванну, и перестелить свежее белье...

* * *

Нельзя сказать, чтобы Елена и Нина не хватились новой горничной. Ее исчезновение было столь внезапным, что вся служащая братия не на шутку разволновалась уже к обеду. Больше других переживала Елена. Спокойным выглядел лишь дворник Степан.

– Может, она сбежала к матери или с ней что-то случилось? Надо послать записку городовому, – предположила Нина.

– Успокойтесь, бабы, – молвил чернявый Степан. – Не нужен городовой. В доме она.

– Как так в доме? – почти хором произнесли удивленные женщины.

– А так... И все... Более не скажу ничего...

Над столом нависла немая пауза.

К счастью, ближе к вечеру, Анатолий Александрович созвал всех слуг в хозяйственном флигеле. И выдал им следующее:

– Достаточно ли я вам плачу, господа? – строго начал он.

– Да... – раздался нестройный хор голосов.

– Нынче я заплачу вам чуть более ваших обычных жалований. Это будут премиальные за ваше трудолюбие и... молчание. С Людмилой все в порядке. Вы поняли меня?

– Да...

– Если хоть один из вас задаст глупый вопрос или пошутит, или сболтнет сдуру чего лишнего, я не только вас всех прогоню без единой копейки расчета. Я вас со свету сживу... Вы поняли? – он мило улыбнулся.

– Да.

С этих пор имя Людмилы не упоминалось вслух. Все делали вид, будто ее никогда и не было в этом доме.

* * *

Пока Людочка спала, граф перенес ее в гостевую спальню, расположенную почти напротив его кабинета. Людмила проснулась, когда за окном проступили легкие сумерки, а в саду запел соловей.

Сонный взгляд с удивлением обнаружил тканевую драпировку вишневого оттенка. Рука потянулась к ней. Пальцы аккуратно отодвинули тяжелую складку, ниспадающую на пол. Недалеко от нее, в широком кресле, сидел граф. Его красивая голова была запрокинута. Анатолий Александрович дремал, сидя в кресле.

«Где я? Это не его кабинет... Боже, он перенес меня в спальню. Неужели это спальня Руфины?» – тревожные мысли одна за другой пронесли в ее голове, заставив сердце биться сильнее.

Она соскочила с мягкой кровати. Это была довольно широкая, арабская кровать, над которой, подобно восточному шатру, высился высокий вишневый балдахин. Здесь пахло какими-то благовониями, цветами и одеколоном Анатолия Александровича.

Он вздрогнул и тоже проснулся.

– Мила, ты проспала почти весь день, – со смехом попенял ей он. – Что ты будешь делать ночью? А впрочем, ночью нам есть, чем заняться...

Он так разволновался от собственных слов, что его рука потянулась к столику за коробкой английских сигар. Он нервно раскурил сигару, пламя спички осветило его внимательные глаза и загорелое лицо. Только тут Людмила заметила, что его густая шевелюра была зачесана назад, а волосы казались влажными. Вместо модного сюртука, широкие плечи охватывал мужской бархатный халат с отложным, отстроченным воротом. Через широкий вырез виднелись темные волосы. Людмила покраснела...

– Анатолий Александрович, как я здесь оказалась?

– Я перенес тебя спящую.

– Это спальня Руфины Леопольдовны?

– Вот еще! – фыркнул он. – В моем доме полно гостевых комнат. Как ты могла подумать? И давай договоримся: когда мы вдвоем, ты не станешь более упоминать имя... моей супруги. Хорошо?

Она в ответ молчала.

– Ну?

– Хорошо...

– А теперь, нам надо тебя помыть и переодеть.

Людмила вспыхнула.

– Мила, пойми, я люблю тебя, и ты не должна стесняться таких элементарных вещей. Пока ты спала, я приготовил ванну. Она находится здесь, прямо в спальне, в боковом будуаре. Здесь же есть и нужник. В этой комнате ты будешь пока жить. А далее... далее я что-нибудь придумаю. Я подожду тебя здесь. Приведи себя в порядок. Спешить не стоит. У нас впереди много времени. Правда, я пока не купил тебе новую одежду... Но я куплю ее на днях. А пока переоденься в одну из моих батистовых рубашек и шелковый халат. Все, что было на тебе – это колючее платье, передник, туфли, чулки – сними это. Я завтра же все это сожгу.

– Как же, сожжете... А я еще не рассчиталась с Капитолиной за это платье.

– Успокойся, любимая. Ты не станешь более нуждаться в деньгах. Я стану тебя содержать. У тебя будет много дорогих платьев и другой красивой одежды, – он взволнованно ходил по комнате и курил сигару. Иногда он останавливался, закладывая руки за спину и продолжал свой монолог: – Пока ты поживешь здесь, до начала осени. А после я сниму тебе квартиру. Повторю: ты ни в чем не будешь нуждаться...

Он потянул ее за руку и распахнул небольшую дубовую дверь. Перед глазами Людмилы оказалась комната поменьше с полукруглым стрельчатым окошком. Стены комнаты были оклеены розовой тканью, расшитой огромными лилиями и золотистыми стрекозами. Ровные стены поддерживались полированными опорами, инкрустированными тонкой резьбой. Потолок тоже казался деревянным и блестящим. Посередине комнаты стояла огромная медная ванна, полная теплой воды. Напротив висело овальное зеркало во весь рост. Его бронзовая оправа темнела выпуклыми женскими головками. Тут же располагался пузатый черный комод со стопкой полотенец и двумя кувшинами. Мягкий пуфик подпирал тонкие шелковые занавески, закрывающие высокое окно. Далее шла китайская ширма – Людмила догадалась, что за ней стоит фаянсовый нужник. Она разглядывала всю эту роскошь и не верила своим глазам.

– Здесь, в комод, лежат пять сортов французского мыла, мочала, расчески и духи. Мила, ты помойся тем мылом, которое придется тебе по вкусу. А духи... Если позволишь, я сам выберу подходящий аромат. Договорились? И да, здесь, на вешалке, висит моя рубашка и халат. Принимай ванну, я тебя не потревожу.

Он затворил за собой дверь. Оставшись одна, Людмила присела на край ванны.

«Святая дева Мария, помоги... Богородице дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с тобою; благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего... Господи, а дальше как? Я

забыла... – шептала Людочка. – Молитвы тут не помогут. Он любит меня. А я? Я, кажется, тоже его люблю... Что далее будет со мной? Он же не женится на мне. А вдруг? Вдруг его католичка уедет из России? А он останется со мной. Я тоже рожу ему детей. А может... Может... она умрет родами? Господи, какой грех! О чем я только думаю...»

Она разговаривала сама с собой, оживившись новой, безотчетной и погибельной надеждой. Она понимала, что ее надежда страшна и греховна, но ничего не могла с собой поделывать. Она вела себя словно безумная, заразившись его безумием.

«Господь не оставит нас. Он добрый, он что-то придумает, чтобы мы были вместе. А Руфина? Руфина будет жива, но исчезнет... Уедет... Так надо... И так будет!»

Она даже не заметила, как быстро разделась, покидав свои вещи в угол, как настаивал сделать он. Ей стало стыдно за свои штопаные чулки. На мозаичной плитке коричневым бугром топорщилось платье ненавистной Капитолины. Она испытывала необъяснимую, приятную ей месть, зная, что скоро пламя огня навсегда сожрет эту колючую ткань. Она бы сожгла все это прямо сейчас. Оставшись в одних панталонах и короткой рубашке, Людмила глянула на себя в зеркало.

«Господи, как стыдно грешить... – Тонкие пальцы легли на высокую грудь и сжали ее. – Как он трогал меня, как ласкал соски. – В животе снова стало горячо. – Стыдно грешить, но сладко».

Она решительно сняла с себя исподнее. Взошла на небольшую скамейку и перекинула ногу в ванну. Потом вспомнила о мыле и вернулась к комоду. Верхняя, объемистая полка пахнула в лицо тонким ароматом сандала. В темном чреве дубового ящика обнаружилась жестяная коробочка, похожая на ларец. В этой коробочке лежало мыло. О боже, что это было за мыло... Его привезли прямо из Парижа. Два кусочка были завернуты в шуршащую ажурную бумагу, похожую на папиросную. Яркие наклейки изображали цветы и головки хорошеньких парижанок. Два других кусочка были упакованы в металлические коробочки, украшенные мозаикой из цветного стекла. А пятый кусочек был упакован в кружевной кошелек, сделанный в виде сердечка с золотистой стрелой Амура. Последний ей понравился более других. И пах он розовым маслом. Другое мыло тоже благоухало неземными ароматами: ванилью, яблоками, жасмином и сиренью. Но Мила выбрала именно последнее.

А далее она приняла ванну, тщательно намылив все части своей стройной фигуры, помыла и прополоскала чистой водой русые волосы. Когда она, свежая и благоухающая, глянула на себя в зеркало, то из овальной рамы на нее смотрела сама Афродита, с распущенными длинными волосами, мокрые концы которых приклеивались к круглым алебастровым ягодицам. Она приподнялась на цыпочки и осмотрела себя сбоку: часть стройного и тугого бедра скрывала пушистый лобок, капельками воды блестел плоский живот, талия казалась до невозможности тонкой – как говорила мать: две руки обхватят. И, наконец, торчащие острыми розовыми сосками, большие груди.

Когда она училась в гимназии, её формы стали заметны намного раньше, чем у всех одноклассниц. Это обстоятельство отчего-то не радовало, а скорее смущало ее. Смущало и раздражало. Однажды ватага дворовых мальчишек остановила ее по пути в гимназию. Их главарь, босой, одетый в черный кафтан с чужого плеча и холстинковые штаны, развязанной походкой, сплевывая через выбитый зуб, подошел к ней вплотную и бросил в лицо: «С такими титьками, барышня, уворуют тя черкесы! Хошь, мы станем тя сторожить?» Она обомлела, живо представив то, что ей грозило. И не нашла ничего умнее, как спросить у хулигана: «Почему?» Тот подумал с минуту и ответил: «Инородцы любят титешниц⁹, – а потом добавил с усмешкой: –

⁹ Титешница – (устар. разг.) баба с большой грудью.

Если черкесы не украдут, так в проститутки отдадут! – и засмеялся противным, простуженным смехом».

Людочке стало стыдно и смертельно обидно от этих слов. Весь день она плохо слушала уроки, ей даже сделали замечание на литературе за невнимательность. А когда пришла домой, то объявила матери о том, что отныне будет туго бинтовать себе груди. Мать подняла ее на смех. Бедной женщине стоило больших усилий, убедить свою дочь, не делать этого.

Теперь обнаженная Людмила с интересом рассматривала изгибы собственного тела, отражающиеся в золотистом, запотевшем от пара зеркале. Перебирала пальцами соски, сжимала грудь и ежилась от озноба и легкой боли...

В этот момент дверь отворилась, и Анатолий заглянул в уборную.

– Господи, как ты хороша... Мила...

Она вспыхнула и прикрылась пушистым полотенцем.

– Все, все... Я не смотрю. Ты можешь одеться.

Он затворил дверь. Сердце Людмилы билось возле самого горла.

«Что будет дальше?» – думала она.

* * *

Конечно, к своим семнадцати годам ей были известны некоторые пикантные и физиологические подробности взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В гимназической среде, в которой воспитывалась наша героиня, мысли и знания об этих подробностях, связанные с интимностью и чувственными наслаждениями, считались непристойными. В гимназии царили пуританские взгляды. Никогда курсистки не позволяли себе размышлять об этом вслух. Находились и те, кто пропагандировал среди своих однокурсниц идеи о девичьей непорочности и убедительном желании нести эту непорочность через всю жизнь. Другие же с завидным упорством доказывали, что все «плотские сказки и шалости» придумали злодеи, дабы сбить целомудренных юниц с истинного пути. А на самом деле люди размножаются подобно цветам, без оттенка всяческой «грязной» физиологии...

Подробности «грязной» физиологии Людмила узнала уже из той среды, где она жила. У нее было несколько подруг из так называемого «подлого» сословия. Мать не разрешала Людочке общаться с ними, ограждая дочь от их пагубного влияния. Хотя и сама мать и Людмила, обе были не из дворян, а почти из того же «подлого» сословия, но то, что Людочка училась в гимназии, давало матери право иметь иные надежды на будущий статус любимого чада и положение в обществе. А подружки, будто издеваясь, караулили нашу скромную гимназистку и на редких девичьих посиделках рассказывали такие вещи, от которых она закрывала лицо и со смехом убегала. Нельзя сказать, чтобы она им верила. Но однажды она стала случайной свидетельницей проявления именно «грязной» физиологии, без каких-либо прикрас. Этот случай произошел с ней летом. И случай этот настолько потряс ее девичье воображение, что Людмила не спала многие ночи, припоминая все ужасные, но в то же время волнительные подробности.

В тот памятный, воскресный день, мать Людмилы уехала с соседкой на ярмарку за ситцем. А дочери строго настрого наказала никуда не ходить, и в дом никого не пускать. Стояла июльская жара. Людмила переделала все домашние дела и села возле треснутого окошка вышивать васильки на наволочку. Не прошло и пяти минут, как в стекло ударился маленький камушек. Она распахнула створки и выглянула наружу. Внизу подпрыгивала низкорослая Анютка, бойкая девчонка из соседнего двора.

– Милка, ты одна?

– Одна...

– Хочешь, я тебе кое-что покажу?

– Что? – недоверчиво протянула Людмила.

- Это самое...
- Какое самое?
- Ну ты что, дурочка? Не понимаешь?
- Как это?
- Выходи скорее, узнаешь.

Словно замороженная, Людмила надела легкие туфельки, оправила косу и выскочила из дома вслед за ушедшей Анькой. Красная, в цыпках, Анькина ладонь впиалась в запястье Людмилы.

- Пошли скорее. Не то все кончится. Там трое осталось.
- Что кончится? Ты можешь толком объяснить? Куда ты меня тащишь?
- Сама все увидишь...

Они свернули в проулок, ведущий к городской пожарной каланче. За каланчой шел дикий парк, в конце которого находились развалины старого и обгоревшего купеческого дома. Место это было нехорошее. Владелец некогда роскошного особняка, богатый купец, убил из ревности свою супругу и пошел по Владимирке на каторгу. Перед этим он поджег собственное имение. Пожар пытались потушить – благо каланча стояла рядом, но тщетно. Пламя занялось так, словно кто-то щедро облил все керосином. Это пепелище стало вечным неммым укором местным пожарным.

Крыша давно обвалилась – лишь обломки колон, куски старого, почерневшего гипса и разломанный мраморный портик, посеревший от пепла и поросший акациями, лопухами и чертополохом, напоминал о том, что на этом месте когда-то кто-то жил.

- Ой, я дальше не пойду. Меня матушка будет ругать, – замахала руками Людмила.
- Ну и дуреха. Так и не увидишь главного, – растолковывала ей досужая Анька.

Они не заметили, как очутились на том месте, где происходило то, что навсегда поразило воображение нашей героини. То, что так часто не давало ей уснуть. То, что заставляло душу мучиться, а тело страдать от нестерпимого желания.

В кустах акации мелькнуло что-то пестрое, а после она увидела две голые женские ноги. Без чулок и обуви. И эти ноги были широко раздвинуты. Молочной белизной отливали толстые ляжки. В кустах, заложив руки за голову, лежала полуобнаженная женщина. Людмила не узнала ее. По несвязанным выкрикам, вульгарному смеху и матерным словам было понятно, что женщина пьяна. В ее изголовье сидел парень и он... он держал ее ноги, упираясь ладонями прямо под розовые круглые колени. А далее Людмила увидела огромный белокожий зад, черный от волос лобок, и разверзнутую, багровую и мокрую от белого семени вульву. Все ее воображение не могло представить, что женское срамное место может выглядеть так нагло, открыто, вызывающе волнительно и вместе с тем погибельно похабно. Возле женщины толпилось пятеро мужиков. Двое из них были полностью одеты, у троих рубахи были на месте, а штаны сняты. Их тощие, голые зады смотрелись не менее дико.

– Гляди, ее еб*т уж третий час, – шепотом пояснила Анька. – Видишь, по второму кругу пошли вертеть... А до этого раком еб*и...

Людмила молча пялилась на эту страшную картину и не могла сдвинуться с места. Эта картина не просто завораживала, Людмиле казалось, что еще минута, и она свалится в обморок. Один из мужиков повернулся боком. Его темная ладонь расправляла натруженный орган.

- Гляди, Милка, сейчас у него встанет. Та-аа-кой огромный.

И действительно, спустя несколько мгновений, словно по волшебству, между ног у мужика выросла целая труба, заканчивающаяся красной нашлепкой.

- Что это? – севшим голосом спросила Людмила.
- Это и есть х*й! – смешливым шепотом пояснила Анька.
- Нет такого слова... – шептала бледнеющая Людочка.
- Как нет? Х*й есть, а слова нет? – настырничала подружка. – Гляди, дурочка, он сейчас его воткнет прямо в ее пи*ду.

– Прекрати, – Людочка заткнула уши, но так и не отошла от кустов. Она продолжала и продолжала смотреть во все глаза на то, что происходило возле развалин. А далее она слышала сладострастные стоны, матерную брань, видела и то, как мужики уступают место друг другу. Видела она и то, как пьяная баба убажала этих мужиков ртом, ползая на коленях, ее отвисшие груди были перепачканы пылью. И то, как баба, не смущаясь, отползала чуть в сторону и мочилась на глазах у мужчин. Потом женщина снова пила вино, запрокидывая лохматую голову. Людочка сама не заметила, как пролетело более часа. И вдруг пьяные глаза женщины рассмотрели среди листвы пестрые сарафаны девиц. Женщина истошно крикнула:

– Мужики, мужики, глядите, да мы тут не одни! Там две сыкухи в кустах схоронились!

– А пусть смотрят и учатся, – заржал один из мужиков.

– Поймайте их, а? – предложила развратница. – Давайте и их вы*бем?

Раздался свист и хохот. Людочка и Анютка сорвались с места и бросились наутек. Только добежав до каланчи, девчонки едва перевели дух... Потом устало шли молча. Перед самым домом Анька остановилась.

– Ты это, только матери ничего не говори, куда я тебя водила...

– Я что, дурочка? – хрипло отвечала Людмила.

– И вот, в следующий раз не будешь меня на смех поднимать... А то вас, в ваших гимназиях дурят, а ты и меня решила задурить. Поглядела? Вот и молчи!

Анька гордо развернулась и скрылась за воротами собственного дома. А Людмила почти бегом пробежала до своих ворот. Как только за ней закрылась деревянная дверь, она принялась тихо плакать. И уже в доме дала волю бурным рыданиям. Когда мать вернулась с ярмарки, то обнаружила у дочери жар.

Та картина навсегда врезалась в ее память. Теперь всякий раз, перед сном, она снова и снова возвращалось мыслями к развалинам купеческого дома. В ответ на эти воспоминания ее собственная рука ныряла под рубашку и блуждала в закоулках плоти. Людмила давно нащупала ту точку, в устье срамных губ, которая доставляла ей, то острую, то тянущую боль, замешанную на непонятном волнении. Девушка пыталась сама себя ласкать. Но ни разу эти ласки не доводили ее до пика сладострастия... Она не знала тайн собственного тела и не знала, как с ним обращаться...

* * *

«Что будет дальше? – подумала она. – Я должна буду ему отдаться?»

Она надела на себя его нательную рубашку, ту, что висела на вешалке. Та доставала ей до колен, непривычно обнажая стройные икры. Плечи и рукава были широки и длины. Она закатала их до локтей. Ворот украшало красивое кружевное жабо. Тонкий батист натянулся на груди Людмилы, подчеркивая контуры острых сосков. В этой рубашке она походила на мальчика-пажа, если бы не высокая грудь и волны распущенных влажных волос.

«Господи, я веду себя так, будто он мой супруг, – снова вздрогнула она. – Может, надеть свое форменное платье?»

Но, посмотрев на коричневую бесформенную кучу, она лишь брезгливо поморщилась. А затем решительно надела на себя его шелковый темно синий халат. И подпоясалась тонким пояском. Босая и розовеющая после недавнего мытья, Людмила вышла из уборной.

Граф все также сидел в кресле и курил сигару. За окном стояла ночь. Вишневые портьеры плотно прикрывали окна. Свет в комнате шел от двух подсвечников. Один стоял на потухшем камине – в комнате было жарко и без огня. А второй возвышался на столике, рядом с креслом графа.

– Мила, ты так долго была в ванной. Я успел заскучать... Иди сюда...

Она подошла ближе и встала посередине комнаты.

– Мила, ты проспала весь обед. А нам из ресторана привозили луковый суп, расстегаи, пирожки, и рыбу. Все это осталось. И еще пирожные есть. Садись, давай что-нибудь поедим...

Людмила только сейчас почувствовала, как проголодалась. Он взял подсвечник и отнес его в другой конец комнаты, к круглому столу, покрытому белоснежной скатертью. Он был изящно сервирован ужином на две персоны.

– Садись любимая, я хочу выпить за наше сближение, – тихим голосом произнес Краевский.

Людмила села за стол. Граф откупорил бутылку французского шампанского. Пеннистая волна наполнила бокалы.

– Мила, я хочу выпить за нас с тобой. Я премного благодарен... Нет, я восхищен тем, что ты находишься здесь, рядом. Мила, я до сих пор не верю в это счастье, – он говорил сбивчиво, немного волнуясь.

Его рука протянула высокий бокал. Они чокнулись. Жадными глотками Людмила пила розовое шампанское. Потом они закусывали тарталетками с рыбой, икрой, пирожками. Теперь Людмила ела с гораздо большим аппетитом, чем накануне. Щечки ее покраснели. Он немного шутил и отпускал ей тонкие комплименты. Она смущалась от его внимательных глаз и отводила свои. От пламени свечей ее взгляд искрился, осененный длинными влажными ресницами. Краевский любовался ею открыто, настолько она была хороша. Потом он встал и протянул ей руку:

– Иди ко мне... Присядь на мои колени.

Она не упиралась и села. Он стал целовать ее запястья.

– Тебе не нужны духи, Мила... Твое собственное благоухание сильнее любых ароматов. Твоя кожа подобно лепесткам утренней розы. Ты – афродизиак моей души. Я аддиктирован тобой навеки. Ты – мой наркотик. Я люблю тебя, Мила.

Он подхватил ее на руки и отнес на кровать.

– Не бойся меня. Я не причиню тебе зла, – волнуясь, пояснял он.

– Я должна буду вам отдаться? – спросила Людочка, опуская глаза.

Он нервно засмеялся и сел подле.

– Любимая, я мечтаю ласкать тебя и подарить тебе любовь и наслаждение. То, о чём ты думаешь... Нет, мы не станем торопиться. Я лишь хочу вкусить тебя, твой аромат. Я буду очень нежным возлюбленным... Мы не станем торопиться.

Он прилег рядом и развязал тесемки на её шелковом халате. Через минуту халат был сброшен. Он принялся целовать её губы долгим и волнительным поцелуем, шею, перешел к груди. Людочка не заметила, как и батистовая рубашка была снята. Она лежала пред ним обнаженная. Он же не снимал своего халата. Он гладил ее тело, опуская поцелуи все ниже, к животу. Затем его ладонь легла на сам живот и опустилась к пушистому лобку. Он снова стал целовать ее в губы. У Людмилы кружилась голова от неопишуемого наслаждения. Она сама не заметила, как его пальцы нырнули в ее влажное лоно. Он принялся водить ими вверх и вниз, вправо и влево, а то и по кругу.

«Господи, как приятно. Как у него это выходит? Только бы он не убрал руку. А вдруг я обмочусь?» – все эти мысли, словно вихрь, пронеслись в ее голове.

И вдруг она почувствовала, что ее длинные ноги сами раздвигаются, а бедра направляются навстречу его пальцам. Ей было мучительно стыдно, ибо перед мысленным взором всплыла та развратная баба, ноги которой с силой раздвигали мужики. И в этот самый момент огненный шар разорвал внутри нее какую-то невидимую глазу плотину. Она вскрикнула, а после застонала. Ее стон был остановлен его крепким поцелуем.

– Тебе было хорошо?

– Очень...

– Ты такая мокрая...

– Это плохо?

– Это очень хорошо... Всю ночь я стану тебя ласкать, ласкать ту восхитительную горшину, которая называется по латыни *clitoris*. Древние называли этот женский орган *amoris dulcedo* (сладость любви), ибо именно он, этот маленький красавец, способен вызывать такую бурю наслаждения. Мила, повторюсь, я очень нежный любовник. Я хочу вести тебя по тропам любви медленно и постепенно.

– Я стесняюсь... Можно я пока надену рубашку?

– Конечно, можно. Хотя, твоя нагота... она сводит меня с ума. Ты – само совершенство. Я принесу нам еще шампанского, – он встал с кровати.

Послышалось легкое шипение и плеск. Через секунду перед ее глазами вновь оказался бокал.

– Пей, моя Афродита. Нет на свете женщины, прекраснее, чем ты.

Она снова пила, и снова были поцелуи.

– Обожди любимая, я схожу в кабинет и принесу тебе несколько своих альбомов. Там есть довольно интересные картинки. Ты должна это увидеть.

Он вышел из спальни в коридор и вскоре вернулся. В смуглых руках покоилась стопка довольно объемных, бархатных фолиантов.

– Так, эти три мы пока отложим. Эти потом, потом. Их пока рано тебе смотреть. А эти два мы будем изучать сегодня, – он загадочно улыбнулся.

Сначала он открыл перед ней розовый альбом. На его страницах были изображены обнаженные женщины. Здесь были блондинки и мулатки, брюнетки и рыженькие. В интерьерах спален и гостиных, в пышных будуарах, и на природе – всюду, рядом с обычными бытовыми предметами, словно живые цветы на морозном снегу, также нелепо и незащитно выглядели эти нагие жрицы любви. Художник настолько искусно изобразил все детали их беспомощных тел, что Мила невольно вспыхнула и отвернулась. Краевский засмеялся, пальцы нежно взяли за ее подбородок, он поцеловал Людочку в ушко и развернул ее лицо к себе. Ей было стыдно от чужой наготы, но вместе с тем глаза прирастали к этим рисункам, не в силах найти более достойных объектов лицезрения. Все повторялось, как тогда. Когда более часа она не могла отвести своего взгляда от случайной уличной оргии, возле купеческих развалин...

– Давай сядем удобнее, я откину полог, чтобы свет от жирандоли падал на рисунки. Я должен тебе многое показать. Мила, я не просто твой возлюбленный, я, как ты знаешь, служу в отделе образования при Губернской земской управе. Ранее я преподавал историю, литературу, педагогику, и немного дидактику. Я знаю, что в гимназиях не преподают курс физиологии полов, и не раскрывают интимные тайны их взаимоотношений. Увы, но девочки из бедных семей познают эту науку из пагубных примеров улицы, или из рассказов своих старших подруг. Девушки же из дворянского сословия оказываются в еще менее гуманной ситуации. Многие из них даже не подозревают о том, что ждет их в первую брачную ночь. И когда муж накидывается на них, словно животное, дабы воспользоваться своим супружеским правом, они считают, что попали в руки к злодею, либо, что их благоверный сошел с ума, – Краевский рассмеялся. – И вместо наслаждения близостью, бедняжки испытывают глубокую психическую травму, а заодно с ней и физическую. Ибо так устроена природа. Конечно, проходит время, и они постепенно постигают, что к чему, привыкают. Но иногда эта травма мешает им раскрыться как женщинам, во всей полноте физического естества. Я желаю на время побыть твоим учителем. Ты позволишь?

Она смущенно кивнула.

– Итак, что мы здесь видим? Это – обнаженные фигуры женщин. Их груди полны и томятся в желании. Разве нет? – он наклонился и нежно сжал грудь Людмилы. – Цветик мой, сними же и ты рубашку. Я хочу трогать тебя везде. Трогать и наслаждаться.

Она послушала его. Он нежно сжимал ее соски, наклонялся и целовал их длительными поцелуями. Затем, пролистав несколько страниц, они увидели изображения женщин с раздвинутыми ногами. На этих рисунках обнаженные лежали с поднятыми вверх коленями, приседали, раздвигали ноги стоя. Были даже и такие, где бесстыдницы помогали себе руками. Их пальцы натягивали срамные губы так, что обнажался клитор и мягкая вульва.

Мила снова вспомнила купеческие развалины и ту, истерзанную развратом... пи*ду.

Она внутренне съеживалась от этого названия. И ни за что бы, не произнесла его вслух, перед графом. Это было совсем неблагородное слово и звучало оно не на латыни, коей любил оперировать Анатолий. Это было русское и матерное слово. Но отчего то, когда она слышала его отрывистый и звенящий звук, ею овладевало чувство необъяснимого волнения и какого-то странного ощущения органичности именно этого названия. Да, это место и должно называться именно так, а не иначе. Но она молчала, не в силах признаться в том, что её язык мечтал произнести это слово, а уши мечтали услышать.

А далее граф показал ей коллекцию уже не картинок, а фотографических изображений.

– Видишь Мила, эти снимки я купил во Франции. Они очень дорогие. Тебе они нравятся?

Она ничего не отвечала. Он снова перевернул страничку. На ней была фотография красотки, сидящей в плетеном летнем кресле. Женщина закинула ноги на высокие подлокотники, и вся ее нижняя красота была представлена на суд зрителей. Станным было то, что на лобке у женщины не было волос. От этого все внутренности казались настолько открытыми, что Мила невольно ахнула и отвернулась.

– Ты так прекрасна в своей стыдливости, любимая. Смотри, на фото у этой блудницы виден роскошный бугорок, о котором я тебе рассказывал – clitoris. По-русски – клитор, похотник или секель. Ты слышала слово «секель»?

– Да, слышала...

– Ну, вот... Сегодня ты и кончила им. Я и сейчас сделаю так, что ты снова ощутишь неземное блаженство. Ляг поближе к краю и раздвинь ножки, как на картинке.

Сильная рука графа нажала на ее плечо. Она не удержала равновесия и упала. Он раздвинул ей ноги, а сам сел на пол. Она слабо попыталась отмахнуться и что-то возразить, но он не дал ей этого сделать. Он приник головой к ее паху. Она снова с удивлением почувствовала приятное касание к своей опухшей от возбуждения плоти. Но что это? Теперь он лизал! Лизал то самое место! Ее охватил ужасный стыд, почти паника... Но и эти чувства куда-то испарились. Она снова замерла в предвкушении того, неземного блаженства. Ах, как он ласкал ее... Как он это делал? Как вообще возможно сделать подобное с ее телом? Ее бедра снова поступательно задвигались. Прошло несколько минут, и она кончила так сладостно, что из горла прорвался хриплый стон, переходящий в крик.

– О, какая горячая девочка, – шептал граф, осыпая ее живот поцелуями. – Я видел, как сжалась твоя вагина и прелестный анус. У тебя такой розовый, чистый, тугой и нетронутый анус, – шептал он.

Она плохо понимала, о каком Янусе он говорил. Кто такой, этот Янус? Она вдруг сильно захотела спать. Голова ее склонилась к подушкам. Он лег рядом. Спустя время она услышала, что он встал и ушел в уборную. Он пробыл там минут десять. А после из уборной донесся стон. А может, ей это приснилось...

Проснулась она, по привычке, рано. Рядом с ней спал ее ненаглядный Анатолий. То, что вчера произошло между ними, выглядело неправдоподобной сказкой, каким-то чудным, волнительным и сладким сном.

«Так не бывает! – думала она. – Мое пребывание в этом доме вначале было похоже на кошмарный сон. А сейчас что? Я и сейчас не проснулась. Только этот сон внезапно стал настолько хорош, что я бы предпочла смотреть его всю жизнь».

Воспоминания обо всех унижениях, тяжелой работе, приказах Капитолины, злобных взглядах Руфины, казались ей настолько далекими, словно все это было в прошлой, ненастоящей жизни. За эти сутки она даже ни разу не вспомнила о матери и братьях. Все ее мысли были заняты одним графом. Его сильными руками, красивым лицом, чувственным ртом. Ей безумно нравился его запах – эта губительна смесь английского дорогого табака и французского одеколона. Даже его подмышки и живот пахли по-особому. «Кто он? Да он сам бог... Я не только отдамся ему навеки. Прикажи он – и я умру за него. Возможно, сегодня он сделает из меня настоящую женщину. Девочки говорили, что в первый раз – это больно. Ну и что? Я все стерплю. Все... Лишь бы он любил меня».

Она сидела на коленях и откровенно любовалась им. Сбитое одеяло обнажило его пленительный торс. Он лежал на боку. Лишь тонкая нательная сорочка прикрывала его широкие плечи. Сквозь ворот сорочки виднелась волосатая грудь. Боже, вчера, в темноте, я толком не смогла его рассмотреть. Вблизи, при ярком свете, он даже лучше, чем я могла представить. О, эти волнистые темные волосы, в меру длинный и такой прекрасный нос. Почти римский профиль, мягкие, но такие нежные губы. А как прекрасно его дыхание... Он бог! Он перевернулся и лег на спину. Сквозь тонкую ткань проступил его главный орган. Он стоял торчком и был немаленьких размеров. Сквозь батист просвечивал его четкий контур, были видны напряженные вены и круглая головка. Это то, что противная Анька называла – х*ем. Мила вздрогнула и от этого слова. Вздрогнула и поежилась.

Граф давно не спал и сквозь полуприкрытые веки рассматривал её. В какой-то момент он открыл глаза и улыбнулся. А потом привстал и крепко обнял. Он прижал ее к себе спиной так сильно, что она ощутила стальную твердость этого органа. Неужели это войдет в меня? Он большой... Но справедливости ради, она совсем некстати припомнила и то, что у тех, пьяных мужиков, эти... х*и были еще толще и длиннее...

«Ну и хорошо, что у Анатоля не такая дубина, как у тех... босяков, – подумала она. – Её граф дворянин и аристократ – ему негоже иметь меж ног оглоблю...»

Она подумала, что сейчас граф снова начнет любовную игру, оставленную ночью, но он лишь нежно расцеловал ее в щечки.

– Мила, ты умывайся и завтракай. Я сейчас отправлюсь по делам. А заодно заеду в магазин и куплю тебе одежды. Когда вернусь, мы снова поедем по магазинам и в ресторан. Там и пообедаем.

Он встал с кровати, накинул халат и вышел из спальни. Она чуть разочарованно посмотрела ему вслед. Он снова запер ее на ключ. Людмила не торопясь ходила в уборную и привела себя в порядок. Она расчесала длинные волосы, заплела их в косу. Потом позавтракала маленькими булочками и запила все это остывшим кофе. От нечего делать она снова залезла на кровать и принялась рассматривать картинки. Она сразу перешла ко второму альбому. В нем уже были рисунки, изображающие само любовное соитие. Сначала это было изображение любовных парочек и похотливые игры меж ними, потом пошли рисунки с групповыми оргиями. Многие из них были с юмором и изображали сатиров или чертей, забивающих огромные орудия в срамные места толстозадых дам. Были здесь и фотографии настоящих людей, занимающихся развратом. После получасового просмотра всей этой коллекции откровенного творчества, внутри живота Людмилы разлился невыносимый жар. Она легла навзничь и снова раздвинула ноги. Её пальцы нырнули туда, где вчера ее ласкал Анатоль.

«Как он это делал? У меня самой вряд ли получится...» – рассеянно думала она, но не убирала оттуда руку. Она интуитивно вспомнила его движения и весь темп скольжения по клитору. Она продолжала и продолжала тереть пальцами это место до тех пор, пока волна оргазма не подобралась к наивысшей точке. Она вскрикнула, но не убрала пальцы, продолжая слабым нажимом все возвращать и возвращать волны экстаза.

«Господи, теперь и у меня это получилось. Как хорошо!»

Она снова продолжила рассматривать картинки и через десять минут повторила свой опыт. Этот оргазм был еще ярче предыдущего. Ей казалось, что Краевский какой-то волшебник, открывший перед ней двери чувственного наслаждения, слаще которого нет ничего на свете.

В замочной скважине послышался характерный скрежет от поворотов ключа. Дверь распахнулась, на пороге стоял Анатолий. Обе его руки были заняты свертками, пакетами и шляпными коробками.

– Уф, насилу донес я все это богатство.

Все шуршащие свертки он сбросил на небольшую софу, а сам, словно фокусник, достал откуда-то из-за спины, очаровательную корзинку, полную роз кремового оттенка. Мила от радости охнула и захлопала в ладоши.

– Как я люблю, когда ты радуешься... Ты, как девочка...

Он сел на диван и закрыл глаза. Спустя несколько минут, он открыл их, по его смуглой щеке бежала слеза.

– Мила, господи, как я тебя люблю... Скажи, я тебе хоть немного нравлюсь?

– Вы знаете...

– Что я знаю? – он вскочил на ноги и сжал ей локоток. – Что я знаю? Скажи...

– Вы знаете, что да...

– Я люблю тебя, – он снова целовал ее щеки, глаза, чистый лоб.

Им обоим не хватало воздуха. Первым опомнился он.

– Нет, нам надо переодеть тебя и съездить прогуляться. Потом мы заедем в пару мест. В ресторан и в цирюльню... Я все расскажу по дороге. Ну же, чего стоишь? Распаковывай мои подарки.

Людмила присела на край софы. Рука нерешительно потянулась к самому большому свертку.

– Ну, смелее. Я не модистка, Мила. Но кое-что я понимаю в женских туалетах. Я купил тебе пару чулок, панталоны, сорочки, корсет, туфельки, платье и шляпку.

– Даже туфельки? Но вы не знаете моего размера.

– Знаю, Мила... Я смерил твою ножку, пока ты спала. Они мягкие, из очень хорошей кожи, и должны быть впору. Если нет, мы тут же обменяем их.

Преодолевая робость, Мила распаковывала шуршащие свертки и коробки. Глаза ее горели намного ярче, чем в детстве, когда мама прятала под маленькую елочку скромные, но такие милые сердцу рождественские подарки.

Из лиловой французской упаковки выпало потрясающе роскошное летнее платье – из легкого шелкового полотна – светлое, усеянное мелкими фиалками. У платья было две батистовые нижние юбки; небольшой, едва заметный турнюр, сплошь покрытый тоненькими кружевными рюшами. Овальный ворот красовался рядами таких же рюш. К платью прилагалась чертовски элегантная соломенная шляпка с пучком искусственных фиалок. И бежевые туфельки на каблучке.

Мила только ахала, глядя на все это великолепие. Краевский смеялся от счастья, захваченный восторгом своей юной любовницы.

– Это все мне?

– Тебе, кому же еще... Скидывай свою рубашку и примеряй.

– Отвернитесь, я сначала надену белье.

– Ну, хорошо, хорошо, я отвернусь, – посмеиваясь, отвечал он. – Я отвернусь, но не обещаю, что не стану подглядывать...

– Ну, Анатолий Александрович, – канючила Людмила, не в силах медлить. Ей так хотелось надеть это роскошное платье. Судя по всему, ее возлюбленный угадал-таки с размером, не говоря о модном фасоне.

Пока он отвернулся, она спешно надела панталоны. Они были почти прозрачные и тоже украшены полосками изысканного кружева. Ее кожа покрылась мурашками от прикосновения нежной ткани. Волосы на лобке стояли торчком и пружинисто не хотели приглаживаться. От новых ощущений она снова возбудилась и сбивчиво дышала. Немного кружилась голова. Она села на край кровати. Руки потянулись к тонюсеньким шелковым чулкам, лежащим во французской круглой коробочке. Холодный шелк лизнул стройные икры, змеей опоясал бедра. Дрожжащими пальцами она сильнее натянула подвязки. И полюбовалась гладкими ножками. При виде сложного корсета, руки устало опустились. Она беспомощно оглянулась. Краевский, слушая за спиной шуршание ткани, вздохи, охи и возню, не выдержал и повернулся.

– Ага! Я не обещал, что не буду подсматривать... И потом ты не сможешь одна, без помощи прислуги, управиться с корсетом.

– Что же делать? – запаниковала Людмила. Её щеки покрылись пунцовыми пятнами.

Она стояла посередине комнаты, в панталонах, чулках и спадающим на бедра, расшнурованным корсетом.

– Не переживай. У меня есть некий опыт. Я завяжу тебе корсет.

Он обошел ее, встал сзади. Кожа спины почувствовала прикосновение прохладных пальцев. Она вздрогнула. Он наклонился к ее округлым плечам и принялся их нежно целовать.

– Ах, Мила, у меня нет сил, и кружится голова от твоих плеч, волос, от твоей нежной груди...

Совладав с сильным приливом нежности, он потянул тесемки корсета. Мила удивилась, как ловко он справился с ее туалетом. Когда корсет был туго зашнурован, Краевский развернул ее к себе и устался на торчащую грудь.

– Мила, с таким бюстом тебя у меня украдут...

– Черкесы? – глупо спросила она, глядя распахнутыми глазищами.

– При чем тут черкесы? Любой украдет... – он наклонился и стал целовать ее соски.

У нее закружилась голова, и подкосились ноги.

– Довольно... Мы так никуда не уйдем.

Шепча слова любви, путаясь, краснея, целуясь, и повторяя друг другу комплименты, они, наконец, надели на Людочку новое платье и туфельки. Волшебным было и то, что туфельки эти оказались в самую пору. Роскошные волосы украсила легкая шляпка. Людочка стояла посередине комнаты – хорошенькая и стройная, словно молодая березка. Краевский отошел в сторону, всплеснул руками и пропел:

Онегин, я скрывать не стану —
Безумно я люблю Татьяну.
Тоскливо жизнь моя текла,
Она явилась и зажгла,
Как солнца луч среди ненастья,
Мне жизнь и молодость,
да, молодость и счастье...

– Ты можешь в коридоре посмотреть на себя в большое зеркало. Или сходи в уборную. Право, я не видел в жизни девушки краше тебя...

Когда они тихонько, словно таги, покинули здание, Людмила шла, опустив глаза. Она боялась встречи с прислугой. Но дом встретил их полной тишиной – будто бы вымер. Граф шел чуточку впереди, она на шаг отставала от него. На дворе стоял ясный полдень. Проходя мимо

клумб, она увидела, что они тщательно прополоты и политы. Она почувствовала легкий укол совести. Наверное, Елена их полола на рассвете, пока я еще крепко спала... Она отогнала эти непрошенные мысли, словно докучливых галок с барского крыльца. Солнце сияло по-летнему радостно, свежий ветер коснулся нежных щек. Ей было тревожно и стыдно... Казалось, что новое счастье она своровала украдкой. Но оно было столь долгожданно, мило сердцу, дорого, почти драгоценно, волнительно, что она, став преступницей, была готова на все, лишь бы это счастье не ушло так быстро, лишь бы оно не оставило ее в самом начале... А потому она ускорила шаги по направлению к выходу из сада. Там стоял экипаж. Из распахнутой дверки граф протягивал крепкую, смуглую руку. Он легонько потянул ее на себя, скрипнула откидная ступенька, прошелестело тонкое кружево турнюра, и она оказалась внутри роскошной кареты. Рядом сел он, ее погубитель. Но как он был хорош. В полумраке салона, пахнувшего кожей и духами, он нашел ее податливые губы и поцеловал долгим, томным поцелуем, от которого у нее снова закружилась голова...

– Трогай! – где-то высоко раздался голос графа. Он был рядом с ней и парил вокруг... Он даже бежал по дороге и гулко отзывался в сердце.

«Это точно сон», – снова думала она, погружаясь в некое измененное состояние души, где правит праздник и счастье, любовь и страсть.

Она была глубоко пьяна, пьяна и без вина, пьяна зарождающимся сильным чувством, имя которому – любовь.

Краевский нежно обнимал ее в пути. Ехали они недолго. Мелькнула высокая чугунная ограда, пирамидальные тополя. Потянуло жареным луком и специями. Зашли в ресторан не с парадного входа, а со двора. Словно в калейдоскопе качнулась красная кирпичная стена, две каменные ступеньки, она оступилась – он снова подхватил ее за талию. Влажным глянцем сверкнул мокрый пробор лакея, хруст крахмальной салфетки. Тихий шепот. Коридор с вереницей комнат. Стук бокалов за стеной, женский смех, дым папирос. Знакомый ресторатор отвел их в отдельный кабинет. По дороге распахнулась одна из дверей, в проеме показалась немолодая дама в канареечном платье. Она была пьяна, карминные губы сжимали длинную пахитоску. Раздались быстрые шаги, кто-то невидимый запер дверь изнутри...

И снова была трапеза. Они пили шампанское и херес. Ели рыбу и устриц. Граф что-то говорил, она внимательно слушала, не вникая в слова. Он шутил, и сам смеялся. Потом замолчал, вставал из-за стола, подходил к ней и садился рядом. Он начинал целовать ее стройные ноги, клал темную голову на колени. Ее рука гладила его волосы, губы целовали пахучую темную макушку. Они оба смущались, крахмальная скатерть казалась ватным облаком. Янтарный виноград выглядел неестественно крупным. От устриц пахло морем. Икра, обложенная льдом, блестела, подобно мелкому бисеру. Она умела вышивать бисером...

– Мила, ты слышишь меня?..

– Да, – встрепенулась она.

– Почему ты снова ничего не ешь? Я столько всего заказал... Господи, у тебя такие холодные руки... Ты замерзла?

– Нет.

Он снова обнимал ее и целовал. Потом он что-то говорил о душе, ее капризности и тонких изысках. О том, как ненавидит собственное сибаритство и свою избалованную натуру. Рассказывал о какой-то цирюльне. Называл имена. Она плохо его понимала.

– Мила, ты ничего не ела, потому что опьянела, – услышала она вновь. – Ты согласна?

– Да...

– Тогда едем?

– Куда?

– Мила, я уже полчаса рассказываю тебе о том, куда мы должны съездить. Ты, конечно, вправе отказаться. Я пойму. Я принимаю тебя такой, какая ты есть, ибо ты – само совершен-

ство... Но, согласись, что и совершенству нет предела. Они исполняют все аккуратно и быстро. Ты не почувствуешь никаких неприятных ощущений. Там работают мастера своего дела.

– Любимый, о чем ты? – она будто стряхнула с себя оковы сладких грез.

– Мила, я говорю тебе о цирюльне. Там тебе сделают прическу, завьют локоны. И там есть дамский кабинет... для нижних причесок.

– Как это?

– Помнишь, мы видели фото?

– Какое?

– Ну то, где у дамы там отсутствовали волоски...

Она вздрогнула и выпрямилась, лицо покраснело... Она не знала, что и ответить.

– Анатолий Александрович, а это обязательно?

– Совсем нет... Я же поясняю, что сие – лишь мой каприз. Скорее, прихоть. Я, верно, эгоист. Если ты не хочешь, мы не поедem туда.

Она вмиг протрезвела. В ее маленькой и неопытной душе шла напряженная борьба: «А вдруг я разочарую его отказом? Вдруг покажусь неряхой и дурёхой? Может, сейчас так принято, модно, и так делают все светские львицы? Анатолий так тактичен, он пытается приучить меня к этикету и аристократическим привычкам. А я упёрлась, словно деревенская кляча. Господи, у кого бы спросить... Но, как я покажу это место чужим? Цирюльня... И там?»

– Хорошо, Анатолий Александрович, если вы желаете, я готова.

– Мила, ты умница... Я обожаю тебя. Едем.

Он попросил счет и расплатился с лакеем. Со стороны Милы почти вся закуска осталась нетронутой. Граф попросил завернуть им часть еды и фруктов с собой.

Они снова сели в экипаж. Ехали теперь чуть дальше. За окном мелькали деревья, дома. Миле показалось, что они уехали далеко за городские пределы. В этой части старого города она ни разу еще не была. Наконец они подъехали к двухэтажному желтому особняку со спящими пыльными львами перед входом, похожему на какое-то учреждение. Поднимаясь по ступенькам, Людмила заметила керамическую плитку, разрисованную звездами Давида.

– Здесь ранее проживал торговец Арон Гендлер, – пояснил граф. – А теперь в этом доме располагается цирюльня мадам Колетт – в этом крыле. А в другом, – он запнулся. – В другом... – Впрочем, я позже тебе расскажу, о том, что находится в другом.

Их встретила немолодая, худощавая и разряженная женщина в темном шелковом платье с причудливой прической, украшенной множеством перьев и цветов.

– О Анатолий, сколько зим, сколько лет! – воскликнула она с неподдельной радостью.

– Я не один, – перебил ее граф. – Нам нужно к дамскому мастеру.

– Я поняла, – кивнула она. – Проходите, господа.

Пройдя пару темных прихожих, они оказались в довольно большом зале. Стены этого зала были оклеены обоями цвета фуксии, на каждой стене висло овальное зеркало в бронзовой оправе. Напротив зеркал стояли высокие кресла.

– Что прикажет мадемуазель? У нас есть парижские журналы модных причесок, есть сетки, косы, шиньоны. Мы можем завить кудри и уложить волосы в высокую куафюру. Вам в театр или гости?

– Нет, Колетт, нам не нужно излишней пышности. Легкая завивка, чуть поднять на затылке и распустить локоны вольным стилем.

– Хорошо, Анатолий Александрович. Только, если позволите, мы добавим еще мягкое гофре на пробор, ближе к вискам. Сейчас это – писк Парижской моды.

– Я даю вам полный карт-бланш, моя дорогая Колетт. Сделайте нам из этой мадемуазели настоящую принцессу.

– Сию минуту, господин Краевский. Розы! – крикнула она кому-то в другую комнату. – Розы, душка, выйди к нам. К тебе пришли господа.

Рози была полной дамой, одетой в форменное темно-синее платье и белый крахмальный передник. Но носу у Рози красовалась маленькая бородавка. Весь ее передник бы утыкан какими-то металлическими зажимами, гребешками и прочими атрибутами мастера куафюры.

В течение часа Рози колдовала над густыми волосами Людмилы, она нагревала какие-то щипцы, обдавала Людочку горячим паром, что-то начесывала, закалывала шпильками. В довершении всего она чуточку припудрила Людочкины щечки, мазнула розовой помадой ее девичьи губы, расчесала брови и немного добавила сурьмы на длинные ресницы. Когда все было готово, важная мастерица развернула Людочку к зеркалу. Та долго крутила головой в надежде найти свое собственное отражение. Из зеркального полотна на Людочку глядела молодая красавица. Людмила подняла руку, и красавица подняла. И только тут ее осенило: господи, да это же я...

Из комнаты ожидания пригласили графа.

Он смотрел на нее такими глазами, что Людмила снова покраснела.

– Людмила Павловна, – важно произнес граф. – Вы великолепны.

И мадам Колетт и Рози обе смотрели на Людочку с нескрываемым восторгом.

– Да, mon cher Анатоль, вы знаете толк в женщинах, – тихо произнесла Колетт. Такая красота дорогого стоит. Однако ждите нас еще. Мы не совсем готовы, – шутиливо пояснила она.

Затем она наклонилась к уху Людмилы.

– Мадмуазель, граф желает довершить ваш интимный туалет...

– Да, он говорил, – охрипшим голосом подтвердила Людмила.

– Вы не волнуйтесь. Сейчас я отведу вас в отдельный кабинет. В нем работает наша Хатидже. Она турчанка. Она займется вашими ножками, ручками и уберет все лишние волоски с тела.

Не прошло и минуты, как мадам Колетт, крепко вцепившись в локоток Людмилы, отвела ее в отдельную, небольшую раздевалку, переходящую в комнатку. В этой комнате отсутствовало окно. Стены украшала тканевая драпировка, с рисунком на восточный манер. Посередине стояло высокое кресло, из подлокотников которого шли металлические трубки и странные деревянные желоба. Свиная кожа обтягивала круглое сидение. Снизу открывалось пустое отверстие, похожее на отхожее место. Прямо под ним находился широкий китайский таз. Тут же стояли стеклянные кувшины, наполненные водой. Рядом располагался столик, покрытый белой тканью. На столике, в строгом порядке, были разложены баночки с какими-то притирками, мазями, флаконы с духами, несколько коробочек французского мыла, и... целый арсенал металлических лезвий – точно таких же лезвий, какие бывают в мужских цирюльнях. Разница заключалась лишь в том, что здесь лежали бритвы и большого размера, и совсем маленькие – длиной в перст, с загнутыми концами. Недалеко от столика висел ремень для правки этих бритв. Напротив странного кресла, прямо на каменных нишах, стояли две газовые лампы с белыми абажурами.

Пока Людочка рассматривала диковинное кресло, к ней сзади подошла мадам Колетт.

– Идите ко мне, милая. Я аккуратно сниму платье, дабы не помять нашу прическу и помогу расшнуровать корсет. Нам надо раздеться донага. Вы сядете в это кресло, вас побреют и удалят лишние волосы – от подмышек до лобка. И не дрожите, это не будет больно. Хатидже – мастер своего дела.

– А может, не надо? – чуть бессмысленно пролепетала Людочка.

– Мадемуазель, вы имеете связь с таким богатым господином. А ходить с пучками лишних волос на теле – сейчас моветон. Наши девочки работают на манер восточных красавиц – совсем голенькие и чистые. И это сейчас модно в Париже. Поверьте, граф оценит ваши бритые прелести и щедро одарит. Вы же любите, наверное, подарки? О, все женщины любят духи, наряды и украшения.

Людочка рассеянно смотрела на то, как шевелятся карминовые губы мадам Колетт и почти ничего не соображала. За несколько минут ловкие руки Колетт сняли с нее платье, расшнуровали корсет. Тут же было предложено снять чулки и панталоны.

– Садитесь в кресло.

Людочка дрожала от страха. Голая, на цыпочках, она прошла к креслу и присела на край. Она крепко сдвинула ноги и ждала, что будет далее.

– Не так, вы сели неправильно, – затараторила хозяйка. – Сядьте глубже, а ноги разведите в стороны. Ножки должны лечь в эти желоба. Ах, какие у нас длинные и прекрасные ножки. Анатолю знает толк в женских ножках, – засмеялась она.

И не успела Людочка что-либо возразить, как сильные руки Колетт развели в стороны ее ноги. Колетт действовала довольно решительно.

– Я пристегну вас кожаными ремнями – на талии и возле коленей. Видите ли, сия процедура требует большой аккуратности. Шевелиться и дергаться нельзя, иначе мастер может нечаянно порезать вас, моя дорогая. А лезвия у Хатидже сделаны из дамасской стали. Они даже толстые ремни разрезают вмиг, не только нежную кожу, – зловеще хохотнула хозяйка.

Людочку прошиб холодный пот. Низ живота пульсировал.

– О, да ты у нас еще дева! – заглянув ниже, подивилась Колетт – Двигайся ближе, попку на меня. Вот так. Не бойся, Хатидже будет аккуратна. Если захочешь помочиться, скажешь ей.

Весь хмель от выпитого шампанского выветрился в тот же миг.

«Господи, почему все нороят заглянуть мне туда? То злобная Капитолина, теперь эта хозяйка. Сейчас еще придет какая-то Хатидже. Если бы не просьба Анатоля, я никогда бы не пошла на все это» – рассуждала Людмила, трясаясь от страха.

Сбоку что-то щелкнуло, повернулся невидимый ключ, стена сама собой приоткрылась – показался край цветной юбки.

«По-видимому, в драпировке есть потайная дверь» – едва подумала Людмила, как тут же увидела весь облик таинственной Хатидже.

Женщина двигалась очень тихо. Она была довольно высока, грузна и широка в плечах. Одетая Хатидже была на восточный, почти базарный манер. Яркий, аляповатый наряд оттенял лишь черный головной платок. Черты лица казались крупными и резкими, почти мужскими. Сходство с мужчиной состояло и в том, что над верхней губой у дамы были вполне настоящие, черные усы.

В отличие от мадам Колетт, Хатидже была молчалива. Она принесла с собой низенькую деревянную скамейку, села возле нашей героини и зажгла обе лампы. Щелкнул запорный газовый кран, сноп яркого света ударил Людмиле прямо в глаза, заставив ее зажмуриться. Все ее стройное тело, раздвинутые ноги, круглый живот с маленьким пупком, пушистый лобок, срамные губы, вульва и даже розовый анус – все это было освещено так, словно Людмила лежала под ярким светом театральных софитов. Хатидже остановила свой взор на новой клиентке... Присмотрелась ближе – крякнула от удивления:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.